

ПРОФЕССОРСКИЙ ЖУРНАЛ.

Серия: РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

№ 1(17)/2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.П. Клобукова, д.п.н., профессор,
член-корреспондент РАО, академик МАНПО,
зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Б. Авдеева, д.п.н., профессор, действительный член
Петровской Академии наук и искусств, МАДИ
Э.Г. Азимов, д.п.н., профессор, ГИРЯ имени А.С. Пушкина
Е.Л. Бархударова, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
С.И. Богданов, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАО,
и.о. академика-секретаря Отделения российской словесности РАО
Л.Д. Бугаева, д.ф.н., доцент, СПбГУ
А.Н. Варламов, д.ф.н., профессор, ректор,
Литературный институт имени А.М. Горького
Е.Н. Виноградова, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
С.А. Вишняков, д.п.н., профессор, член-корреспондент МАНПО,
зав. кафедрой, МПГУ
В.А. Воропаев, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
М.М. Голубков, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
А.Д. Дейкина, д.п.н., профессор, МПГУ
Л.А. Дунаева, д.п.н., профессор, зам. декана,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.И. Зиновьева, д.ф.н., профессор, СПбГУ
В.Б. Катаев, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель
науки РФ, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
А.В. Коротышев, к.п.н., директор секретариата РОПРЯЛ,
МАПРЯЛ, руководитель Центра социолингвистических
исследований РУДН
В.В. Красных, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Кузьминова, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
О.В. Макарова, к.п.н., старший преподаватель,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Ю.Б. Мартыненко, к.ф.н., доцент, МПГУ
Л.В. Московкин, д.п.н., профессор, почетный работник сферы
образования РФ, СПбГУ
Н.В. Поморцева, д.п.н., профессор, декан, РУДН
Т.И. Попова, д.ф.н., профессор, и.о. зав. кафедрой, СПбГУ
И.Н. Сухих, д.ф.н., профессор, СПбГУ
М.Ю. Федосюк, д.ф.н., профессор, МГУ имени Ломоносова
Е.А. Хамраева, д.п.н., профессор, зав. кафедрой, МПГУ,
директор межвузовского центра билингвального
и поликультурного образования, РГПУ имени А.И. Герцена
Е.А. Чернышенко, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Т.В. Шмелева, д.ф.н., профессор, Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого
Д.А. Щукина, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
Санкт-Петербургский горный институт
И.И. Яценко, к.п.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

ЛИНГВИСТИКА: СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ, ДИСКУРС

М.И. Конюшкевич

Функционально-грамматическое поле скреп, образованных
от предложных единиц с лексемой *вопрос*. Статья первая2

Мао Юйянь, О.В. Дедова

Способы наименования мобильных устройств на основе
компьютерных технологий в современном русском языке10

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

А.В. Архангельская, Ли Цзивэй

«Берянь рукавь» «Слова о полку Игореве»
в русской и китайской славистике19

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Г. Мендагалиева

Метафорика ужасного в современном русском хорроре
(на материале произведений А. Варго)26

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Е.Б. Демидова

Типы полисемии как средство семантизации в практике
преподавания РКИ30

М.А. Березняцкая, А.В. Денисенко, Ю.М. Калинина

Художественный фильм как средство формирования
социокультурной компетенции студентов-билингвов
(на примере киносказки А. Роу «Морозко»)37

РУССКИЙ ЯЗЫК В СТРАНАХ СНГ

Е.А. Железнякова, П.В. Новикова, С.Н. Шерматова

Традиции и инновации в учебнике по русскому языку
для 2 класса школ Кыргызской Республики43

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И.А. Иванчук

Корреляция пространств в мемуарах О.Б. Сиротининой
«Жизнь вопреки, или Я счастливый человек: воспоминания».
Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. 288 с.48

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.Л. Бархударова, О.Ю. Дементьева, О.В. Зубова, Л.П. Клобукова, Ф.И. Панков, Т.Е. Чаплыгина, Л.А. Чижова

Научное наследие М.В. Всеволодовой и актуальные проблемы
лингводидактики, функционально-коммуникативного
и сопоставительно-типологического изучения русского языка.... 52

Адрес редакции:

115035 г. Москва, Космодамианская
набережная д. 26/55, стр. 7
e-mail: redactor@profsobranie.ru
Адрес для приёма статей:
professor_rll@mail.ru

Учредитель

Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035, г. Москва, Космодамианская
набережная 26/55, стр. 7)

Издатель

Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035 г. Москва, Космодамианская
набережная д.26/55, стр.7)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), в перечень научных изданий ВАК.
Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-Пресс» — 79623.

Подписан в печать: 05.04.2024. Дата выхода в свет: 18.04.2024

DOI: 10.18572/2687-0339-2024-1-2-9

Функционально-грамматическое поле скреп, образованных от предложных единиц с лексемой *вопрос*. Статья первая

Мария Иосифовна Конюшкевич,

доктор филологических наук, профессор

Независимый исследователь, г. Гродно, Белоруссия

E-mail: marikon9@mail.ru

В статье демонстрируется моделирование и верификация речевой практикой объема и границ морфосинтаксической парадигмы предлогов с лексемой *вопрос* объемом 108 предложных единиц, в том числе с редупликаторами, включая и потенциальные. Представлен «союзобразовательный» потенциал парадигмы предлога *в вопросе*, реализованный базовым предлогом и двумя редупликатами; структурировано функционально-грамматическое поле союзных средств из 5 зон — ядра собственно союзов, околядерной зоны и периферийных зон — ближней, дальней, крайней.

Ключевые слова: предлог, союз, скрепа, парадигма, функционально-грамматическое поле.

Одним из важнейших параметров атрибуции предлога является его способность служить базой для образования союзных средств, и эта его способность отражена в первом томе Реестра русских предлогов и предложных средств, выполненного авторским коллективом под руководством М.В. Всеволодовой [Всеволодова и др. 2018].

Но, как признают авторы подготовительной к Реестру монографии, тоже под редакцией М.В. Всеволодовой, «этот синтаксический потенциал предложных единиц... пока в нашей грамматике не проработан...» [Всеволодова и др. 2014: 241], см. также [Всеволодова 2022: 14–15]. Опыт получения союзных средств от предлогов, проводимого нами в развитие процитированной идеи (например, [Конюшкевич 2023а]), показал, что для понимания механизма образования союзных средств от предлогов требуется внимание не только к каждому предлогу в частности, но и ко всей предложной парадигме в целом.

Задачи данной статьи — 1) установление объема и границ морфосинтаксической парадигмы предлогов с лексемой *вопрос*, а также 2) выявление «союзобразовательного» потенциала парадигмы предлога *в вопросе* и моделирование структуры функционально-грамматического поля, формируемого полученными союзными средствами.

В первом томе Реестра морфосинтаксическая парадигма с лексемой *вопрос* формируется из двух базовых предлогов: *в вопросах* чего, *в вопросе* чего, которые в свою очередь образуют свои подпарадигмы предложных единиц путем редупликации, т. е. присоединения к каждому из них (редупликантов) других 9 предлогов (редупликаторов) с лимитативной семантикой и той же изъяснительной валентностью: *касаемо*, *касательно*, *насчет*, *о*, *относительно*, *по*, *по поводу*, *про*, *с*. В результате имеется по 9 редуплицированных предлогов (редупликаторов) ср.: *в вопросе* чего — *в вопросе касаемо* чего; *в вопросе касательно* чего; *в вопросе насчет* чего; *в вопросе о* чем; *в вопросе относительно* чего; *в вопросе по* чему; *в вопросе по поводу* чего; *в вопросе про* что; *в вопросе с* чем; аналогичный ряд предложных единиц образуется и с предлогом *в вопросах*. В итоге в Реестре с учетом двух базовых предлогов в парадигме насчитывается 20 предложных единиц, подтвержденных реальным употреблением.

В неопубликованных рабочих «Материалах к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Реальное употребление. Функциональная грамматика», любезно предоставленных российскими коллегами белорусской стороне — участнице проекта «Грамматика славянского предлога», инициированного и руководи-

мого М.В. Всеволодовой (2004–2005 гг.), зафиксированы еще два предлога с лексемой *вопрос* – *по вопросу* чего и *по вопросам* чему.

В ключе опубликованного Реестра предполагаем, что данные предлоги тоже потенциально возможны стать редупликантами и присоединить к себе те же 9 редупликаторов: *по вопросу чего* – *по вопросу касательно* чего / *по вопросам* чему – *по вопросам касательно* чего и т. д. Контексты из НКРЯ частично и единичными примерами подтверждают подобную редупликацию: *После того, как делегаты прослушали ряд разъяснений, данных директором и главным инженером по вопросам насчет заработной платы, норм выработки, размера добычи, отпусков, пенсий и проч., мы отправились в инженерный клуб* (Т.В. Солоневич. Записки советской переводчицы; 1937). *В таких формах выражалась критика большевизма по вопросу относительно зрелости международного капитализма* (Н.И. Бухарин. О характере нашей революции...; 1920–1929). *Решений по вопросу о возврате налога на движимое имущество компаний нет* (Парламентская газета, 03.19.2021). *Совет Федерации готов оказать необходимую помощь по вопросу с очистными сооружениями Махачкалы и Каспийска* (Парламентская газета, 03.01.2021). *В пятницу прошло рабочее совещание с авиакомпаниями по вопросам с чартерными рейсами в летний сезон* (РБК Daily, 23.03.2010). *По вопросу про наркоманию в Крыму Виктор Петрович также не был оптимистичен* (Комс. правда, 26.03.2014).

Обнаружены контексты, причем из авторитетных источников, даже с редупликатором *по*, который, казалось бы, некорректен в силу тавтологии: *Могилевский р.-к. архиепископ разослал подведомственному ему духовенству особый циркуляр по вопросу по применению непризнанного русским правительством папского декрета относительно смешанных браков* (Северо-Западный голос, 02.02.1911). *В училище, в виде опыта, в этом году заведены беседы с юнкерами по вопросам по сближении с солдатом* (К.К. Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма; 1906). *За прошлый год специалисты проконсультировали 60,5 тысяч человек по вопросам по профориентации* (РИА Новости, 23.01.2017).

Примеры с повтором предлога *по* касаются той особенности русского языка, с которой М.В. Всеволодова связывает механизм редупликации: «Как оказалось, это механизм не только категории ПЕ. Скорее все-

го это некоторая специфика русского языка (а возможно, и других славянских языков) – максимальная экспликация и даже удвоение смыслов...» [Всеволодова и др. 2014: 56].

В НКРЯ не оказалось контекстов с редупликатами *по вопросу* *касаемо* чего / *по вопросам* *касаемо* чего; *по вопросу* *касательно* чего / *по вопросам* *касательно* чего; *по вопросу* *по поводу* чего / *по вопросам* *по поводу* чего; *по вопросам* *про* что, т. е. в парадигме из 20 предлогов 7 единиц потенциальные, не отмеченные в НКРЯ и не приведенные в рассматриваемой монографии, но это не означает, что они не употреблены где-то в других текстах. Лакуны не нарушают свойства системности парадигмы, поэтому «иногда мы относим к потенциальным единицы, долженствующие быть в данной системе, но пока в нашем корпусе отсутствующие» [и др. 2014: 77]. Допустим и мы, что с учетом потенциальных парадигма предложных единиц с лексемой *вопрос* составляет уже 40 членов.

Вместе с тем в цитируемой монографии (с. 230) находим примеры еще одной парадигмы с базовыми предлогами *к вопросу* / *к вопросам*, подтвержденные контекстами: *к вопросу* *касаемо* / *к вопросам* *касаемо*, *к вопросу* *касательно* / *к вопросам* *касательно*, *к вопросу* *насчет* / *к вопросам* *насчет*, *к вопросу* *о* / *к вопросам* *о*, *к вопросу* *по* / *к вопросам* *по*, *к вопросу* *по поводу* / *к вопросам* *по поводу*, *к вопросу* *про* / *к вопросам* *про* чего, но отсутствуют предлоги с реестровыми редупликаторами *относительно* и *с*. В НКРЯ оказались два контекста с предлогами, в составе которых есть и данные редупликаторы, причем в одном контексте предлог входит в состав скрепы: *Ну, это к делу не относится... Мы же давайте вернемся к вопросу с Карповой* (В. Валеева. Скорая помощь; 2002). *Засим возвращаюсь к вопросам относительно того, что в ближайшее время надо сделать* (Стенограммы заседаний Государственной Думы; 1917).

С учетом третьей пары базовых предлогов с редупликаторами парадигма насчитывает уже 60 единиц. Но и это еще не предел. Как отмечает М.В. Всеволодова, «очень часто синонимика выявляется уже после представления той или иной единицы в реестре, при описании единиц, более «поздних», в плане алфавитного порядка. Поэтому в начальных выпусках реестра практически невозможно обеспечить полноту представления лексических синонимов» (с. 240).

Действительно, в тексте монографии на с. 60 находим, в отличие от Реестра, парадигму базовых предлогов *в вопросе / в вопросах*, в которую введены предлоги с редупликатором *в отношении*, сопровождаемые примерами, а на с. 170 обнаруживаем предлоги и с вполне ожидаемым редупликатором *в отношении к*: *в вопросе в отношении к / в вопросах в отношении к*, тоже с примерами.

Полагаем, что эти же редупликаторы могут присоединяться и к двум другим редупликантам — *по вопросу / по вопросам* и *к вопросу / к вопросам*, в результате чего парадигма увеличивается на 12 единиц и насчитывает уже 72 предлога. Правда, в НКРЯ контекстов с такими редупликатами не обнаружено. Итак, в грамматической парадигме из 72 предлогов с лексемой *вопрос* полностью реализованной оказывается подпарадигма базовой пары *в вопросе / в вопросах* — 24 единицы. В подпарадигме *по вопросу / по вопросам* потенциальными оказываются 9 редупликаторов, в подпарадигме *к вопросу / к вопросам* — 7 редупликаторов.

Закрит ли список редупликаторов? Едва ли. Интроспективно мы подобрали в данный синонимико-вариативный ряд еще 6 слов с той же лимитативной семантикой и изъяснительной валентностью, возможной в сочетании с базовыми шестью предлогами: *в вопросе на предмет* чего, *в вопросе вокруг* чего, *в вопросе около* чего, *в вопросе на* что, *в вопросе на тему* чего, *в вопросе применительно к* чему. К примеру, в речениях: ***В вопросе на предмет перемирия есть разногласия. В вопросе вокруг / около перемирия много недомолвок. В вопросе на тему перемирия еще надо разбираться. А к вопросам применительно к перемирию следует подойти со всей серьезностью.*** Реальное употребление подтверждено лишь 5 контекстами; приведем их в редукции: *определенный шаг, направленный на единую позицию в вопросе на недопущение применения терроризма в любых политических коллизиях* (Vesti.ru, 12.03.2002); *излишне принципиальными в вопросах на стыке экономики и внешней политики* (Коммерсант, 30.01.2008); *молодежь, набившая себе языки по вопросам на темы текущей, политическо-деловой жизни* (А.В. Жиркевич. Дневник; 1922); *занимала очень активную позицию в вопросе вокруг КНДР* (РИА Новости, 23.05.2003); *возвращения президента от преимущественно международной повестки к вопросам «на земле»* (Изв., 28.09.2017).

С учетом предложенных шести редупликаторов к шести базовым предлогам парадигма увеличивается на 36 единиц (причем 31 из них потенциальная), что в сумме (72 + 36) составляет 108 предложных единиц, из которых в речи реализованы 67, потенциальных 41. Несмотря на то что верификация контекстами из НКРЯ подтвердила речевую реализацию не всех единиц грамматической парадигмы, построение речений с каждым из редупликаторов оказывается возможным, т. е. сама предложная система редупликации не препятствует, а значит, она располагает солидным потенциалом единиц, которые могут быть в свое время востребованы как редупликаторы, тем более что сами они функционируют в языке как самостоятельные предлоги, причем очень активно. На такую перспективу настраивает то, что и само существительное *вопрос* тоже сочетается с предлогами — кандидатами в редупликаторы с делиберативной семантикой, например: *Нерешенным остается вопрос вокруг южной части Курильских островов* (Парламентская газета, 22.11.2017).

Самыми употребительными в НКРЯ редупликаторами в сочетании с предлогами к редупликантам с лексемой *вопрос* выступают непроизводные предлоги: 1) *по* (от 3 употреблений в *по вопросу по* до 100 в редупликаторе *в вопросе по*); 2) *с* (от 6 — *по вопросам с* до 133 — *в вопросе с*) и 3) *о* — более 90% от всех редупликаторов в парадигме. Контексты с редупликатором *о* в каждой подпарадигме исчисляются десятками — в предложениях *в вопросах о* (38/47; основной и газетный модули корпусы через слэш), *к вопросам о* (24/29) и *по вопросам о* (68/125), сотнями и тысячами — в предложениях *в вопросе о* (738/1292), *к вопросу о* (1345/1479) и *по вопросу о* (2039/4316).

Как свидетельствуют приведенные цифры, редупликаты образуются продуктивнее с редупликантами в форме ед. числа, что указывает на более высокую степень грамматикализации последних. Обратим внимание также на то, что количество редупликаторов в корпусе современных СМИ значительно превышает численность аналогичных единиц в основном корпусе. Аналогичная асимметрия наблюдается во всем материале и с самими шестью словоформами лексем *вопрос* без снятия омонимии; ср. данные НКРЯ по основному и газетному модулям: *в вопросах* чего (1832/7090),

в вопросе чего (855/7191), по вопросам чего (3398/48442), по вопросу чего (1423/13350), к вопросам (780/1477), к вопросу (2388/3757), особенно если учесть, что количество словоупотреблений в корпусе СМИ лишь вдвое превышает объем основного корпуса. Преваляние газетного материала применительно к рассмотренной парадигме свидетельствует о влиянии жанрово-стилевых особенностей языка СМИ, активно впитывающего черты официально-делового и общественно-политического дискурсов.

Перейдем теперь к анализу союзов и скреп, образованных от предлога в вопросе. Поскольку «собственно союз, союзные средства, скрепы – это вопрос конвенциональный» [Всеволодова и др. 2014: 242], см. также [Прияткина 2022: 3], здесь используются термины союз (собственно союз), скрепа – для расширительного понимания средств, выполняющих функцию союза.

Образование союзных средств осуществлялось путем соединения предлога с указательными местоимениями *то*, *то*₂, *тот* и союзами и союзными словами (относительными местоимениями и наречиями). Несмотря на то что степень грамматикализации скреп в полученном материале различна, по своим четырем признакам: союз а) связывает б) единицы строения разной природы, в) выражает отношения между ними, г) образует единицу построения разной природы, – все образованные от предлогов единицы подпадают под категорию союзного средства и образуют языковое пространство, способное к структурированию в функционально-грамматическое поле (ФГП). Закономерности структурирования языковых полей были исследованы в свое время В.Г. Адмони: ядро поля формируется полным комплектом дифференцирующих признаков поля, остальные зоны поля характеризуются тем, что дифференцирующие признаки поля могут быть а) не в полном комплекте, б) некоторые из признаков могут быть ослаблены, в) к признакам одного поля могут присоединяться на иных его участках признаки другого поля или других полей [Адмони 1964: 47–51].

Представим структуру и наполнение ФГП скреп, образованных от предлога в вопросе и его редупликатов, с комментариями признаков, определяющих место каждой единицы в той или иной зоне поля.

Ядро ФГП. Ядро данного поля характеризуется тем, что его конститuentы образуются от предлога только с помощью «полностью опущенного» вмещающего *то*₂ [Белашапкина 1977] в форме род. или предл. падежа и асемантического союза, т. е. образованные таким путем союзы выделяются чисто связующей функцией, не привнося в высказывание никаких иных значений. Модели и их реализация в НКРЯ:

Модель 1)

– в вопросе того, что: *Это дает западным странам возможность для нападков на Россию в вопросе того, что она не может обеспечить экологическую безопасность Арктики* (Vesti.ru, 06.2020);

– в вопросе того, чтобы: *Есть подвижки в вопросе того, чтоб ввести в больницах для отказников должность воспитателя, чтоб отказники не отставали в психическом и умственном развитии от обычных детей* (РИА Новости, 09.02.2007).

Модель 2)

– в вопросе о том, что: *Риэлторы были единодушны в вопросе о том, что решение комиссии по этике должно быть обязательным для исполнения членами НГР* (Биржа плюс свой дом, Н. Новгород; 12.08.2002);

– в вопросе о том, чтобы: *«Мы должны поставить точку в вопросе о том, чтобы стать энергонеависимыми», – заявил премьер-министр Украины* (Vesti.ru, 04.2016). Подчеркнем ведущую роль редупликата *о* в образовании данной и последующих моделей.

Околоядерная зона ФГП. Данную зону формируют скрепы, образованные тоже по трем моделям. Первые две структурируются также словоформами вмещающего *то*₂, но вместо асемантического союза в придаточной части выступает вопросительный союз, который актуализирует лексическое значение словоформы *вопрос: в вопросе о том..., ли; в вопросе о том, ... или не*.

Третья модель обусловлена аттрактивными свойствами любого поля – втягиванием в свое пространство конститuentа по признакам ядерного прототипа (полностью или частично). Таким включенным в процесс грамматикализации по аналогии с *то*₂ стало адекватное местоимение *тот*, перетянувшее на себя сочетаемость с союзом придаточной части в такой степени, что словоформа *вопросе* порой воспринимается излишней: *в том вопросе, что; в том вопросе,*

чтобы; ср.: *в том, что; в том, чтобы*. Реализации:

Модель 1)

– *в вопросе относительно того..., ...ли: Еще позиции государств не совпадают в вопросе относительно того, стоит ли им иметь дела с Россией* (lenta.ru, 09.02.2015).

Модель 2)

– *в вопросе о том, ...ли: Основанием к рассмотрению дела Конституционным судом РФ является обнаружившаяся неопределённость в вопросе о том, соответствуют ли Конституции РФ оспариваемые в обращении нормы* (Бухгалтерский учёт, 12.06.2004);

– *в вопросе о том, ... или не: В вопросе о том, связаны ли не связаны землетрясения с военными конфликтами, среди ученых нет единодушия* (А.М. Гордницкий).

Модель 3)

– *в том вопросе, что: Муниципальный фильтр, несмотря на все его недостатки, доказывает свою работоспособность в том вопросе, что в избирательной кампании принимают участие только ответственные политические силы* (Парламентская газета, 08.2018). Пока в НКРЯ имеются только три подобных контекста, но их употребление показательно как факт союзной функции этих сочетаний.

Ближняя периферия ФГП. Скрепя данной зоны представляют соединение асемантического компонента *то*₂ с семантическим, т. е. с относительным местоимением или наречием. Прономинальный компонент в скрепе нагружен, наряду со связующей функцией, еще и синтаксической позицией в придаточной части и соответствующей в ней денотативной ролью (последняя, как это было выявлено, особенно важна в функционировании скреп в разных типах сложных высказываний; подробнее см. в [Конишкевич 2023б]). Инвариантные модели: 1) *в вопросе того* + словоформа союзного слова с предлогом или без; 2) *в вопросе о том* + словоформа союзного слова с предлогом или без.

С точки зрения информации и структуры указательные компоненты скреп обеих моделей соответственно взаимозаменяемы (*в вопросе того, как* = *в вопросе о том, как*); ср.: **В вопросе того, как урегулировать конфликт в Саудовской Аравии**, у России и Саудовской Аравии имеются разногласия (Парламентская газета, 16.04.2017). – **Но в вопросе о том, как это делать**, чиновники расходятся (Изв.,

20.01.2003). Однако в реальном употреблении различия между моделями существенные: 4 реализации первой модели и 57 второй, включая и осложненные варианты, о которых будет сказано ниже. Реализации:

Модель 1)

– *в вопросе касательно того, сколько: Пожалуйста, проконсультируйте в вопросе касательно того, сколько метров жилой площади отведено на человека* (МВВ; Инт.);

– *в вопросе того, как: В вопросе того, как поступить с профицитом бюджета – тратить или направлять в Фонд национального благосостояния, – необходима «золотая середина»* (Парламентская газета, 07.10.2019);

– *в вопросе того, кто: По словам Могерини, государства ЕС выступают за достижение «консенсуса в вопросе того, кто будет править Ливией»* (РИА Новости, 18.03.2017);

– *в вопросе того, где: «Наша задача – сделать доступной музыку наших исполнителей в интернете, предлагая клиентам максимально широкий выбор в вопросе того, где они могут купить музыку»*, – сказал Моррис (Vesti.ru, 23.08.2007).

Модель 2) представлена следующими 29 реализациями (представляем их со вторыми компонентами через слэш): **в вопросе о том**, в каких / в чем / где / какая / какие / каким / каких / каков / какого / какое / какой / кем / к какой / когда / кого / кому / которую / кто / куда / насколько / на что / откуда / почему / сколько / чего / через какие / через кого / что / что такое. Несколько контекстов в редуцированном виде: **Граждане единодушны в вопросе о том, что** они хотели бы видеть на «Общественном телевидении» (Коммерсант, 08.2012). **У России и Японии пока нет согласия в вопросе о том, в чем** правовом поле будут осуществляться проекты (Коммерсант, 07.2018). **Неясность в вопросе о том, где** находятся бывший офицер ГРУ и его дочь, свидетельствует, что британским спецслужбам есть, что скрывать (РИА Новости, 01.2019). **В задачи конкурса входило дать ясную установку в вопросе о том, какие** требования мы вправе сейчас предъявить к певцам (Советское искусство, № 7 (587), 1939). **В самом правительстве в вопросе о том, каким** должно стать обновленное законодательство, нет единства (РБК Daily, 02.2004). **И в вопросе о том, какой** реактор запустить, диктатура тоже принадлежала не правительству (Новая газета, 04.2016).

Остальные 28 скреп, относящиеся также к данной зоне, осложнены другими элементами, в результате чего скрепы нагружаются различными семантическими, функциональными и другими приращениями, которые требуют более детального рассмотрения. Ограничимся здесь только их перечислением. Это а) общие имена типа *цель, условие, принцип* и т. п.; б) ограничительные и усилительные частицы, в) сочинительные синтагмы союзных слов: *Необходимо еще раз четко определиться в вопросе о том, кто и на каких условиях может быть союзником КПРФ* (Завтра, 15.03.2001). *Пока есть ясность, да и то неполная, лишь в вопросе о том, какие системы отказали на борту корабля* (Н.П. Каманин). *И только тогда в вопросе о том, кого снесут, а кого оставят, начала появляться ясность* (Новая газета, 02.2016).

Дальняя периферия ФГП. Эту зону поля образуют скрепы, в которых возможно включение местоимения *тот* между предлогом *в* и словоформой *вопросе* — *в том вопросе*. Данный компонент существует в системе скреп как единица с двумя потенциями. С одной стороны, это семантически пустой коррелятив, равный *то*, усиливающий изъяснительность лексемы *вопрос*, и катафорически коррелирующий с придаточной изъяснительной, которая должна быть оформлена союзом, что мы и получаем в следующем контексте из НКРЯ: *Однако помощник президента отметил, что он согласен с Хиль-Роблесом в том вопросе, что сам по себе референдум не является решением проблемы* (Vesti.ru, 02.2003.); ср.: *...он согласен с Холь-Роблесом в том, что референдум не является решением проблемы*. С этим видом связи обнаружены только 3 контекста, все они употреблены в СМИ, а скрепа *в том вопросе, что* максимально приближена к статусу союза и отнесена к околядерной зоне ФГП.

С другой стороны, категориальное значение субстантива *вопрос*, поддержанное адъективным местоимением *тот*, ориентировано на определение к субстантиву, и в этой функции компонент *в том вопросе* выступает как коррелят к союзному слову в придаточной определительной части. Например: *Это очень ответственное слово, от его понимания зависит все лучшее и все худшее в том вопросе, который перед нами* (М. Л. Гаспаров. Записи и выписки; 2001). Однако изъяснительная потенция компонента *в том вопро-*

се и в этом случае обнаруживает себя: релятом к нему могут быть только союзные слова *который, какой, что*. С данным видом связи употреблены только 6 контекстов со скрепами *в том вопросе, который; в том вопросе, о котором; как раз в том вопросе, которому; в том вопросе, из-за чего*. Более того, изъяснительная валентность слова *вопрос* может маркироваться лексическим наполнением придаточной части: *Движения в определенном направлении нет. Во всяком случае в том вопросе, о котором* (= в том, о чем) *мы говорим: о перспективах нашего присоединения к постиндустриальным странам* (А. Самохвалов // Знание — сила 2003). Оба отмеченных признака обеспечивают скрепам *в вопросе, который / что* место в дальней периферии ФГП союза.

Крайняя периферия ФГП включает только одну модель скрепы: «*в вопросе* + союзное слово»: *Мы еще не разобрались в вопросе, что произошло* (Новый регион 2, 30.03.2009). *Мировые лидеры разделились в вопросе, чьи полномочия считать легитимными* (Коммерсант, 25.01.2019). *Путаница в вопросе, что платно, а что бесплатно* (АиФ, 25.07.2007). В НКРЯ зафиксированы контексты со следующими скрепами: *в вопросе, кто / кого / кого же / кому / как / какие / какова все-таки / какое / где / когда / куда / откуда / для кого / на кого / на кого именно / на каких условиях / на какую... и за счет каких / на что именно / по какому пути / почему / с кем / чем же / что / что..., а что / что именно / чьи*, разбежка в употреблении между которыми красноречива: от 1 контекста (*в вопросе, чьи*) до 35 (*в вопросе, кто*).

Поступательный в направлении служебности характер формирования скреп со словоформой *в вопросе*, находящейся в зоне пересечения изъяснительных и атрибутивных отношений, начинается еще в XIX веке: *Но дело тут вовсе не в вопросе: как кто верует, а в том, что все у нас, несмотря на всю разногласицу, всё же сходятся и сводятся к этой одной окончательной общей мысли общечеловеческого единения* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя; 1877). Это переходное состояние сказывается на пересечении синтаксических связей бессоюзия, сочинения и подчинения, что отражается в разной пунктуации (запятая, тире, двоеточие, кавычки) между элементами скреп, особенно в контекстах более раннего периода и в основном корпусе НКРЯ: *Его* (Потебни)

излюбленная формула выражалась **в вопросе**: «**Откуда и куда** мы идем в области языка, мысли, творчества?» (Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Из «Истории русской интеллигенции»; 1911). **Как-то** пыталась **разобраться в вопросе** — **почему так сильно суммы иногда отличаются** (Форум: Нижегородская АЭС; 2012).

Прочность связи между компонентами скреп обеспечивается за счет изъяснительной валентности лексемы *вопрос*, но не только. Сравнение контекстов с другими изъяснительными лексемами [Чайковская 1989] — *слух, ответ, известие* показало, что более важную роль в формировании скрепы играет «предложность» словоформы *в вопросе*, степень ее грамматикализации, доведенная до синонимии с компонентом *о том*. Ср. в одном контексте: **В вопросе** — **где, когда и для кого** сделаны вещи — я уже достаточно подкован, но **в вопросе о том, что́** (= *но в том, что́*) заставило их переместиться — я еще плаваю (Н. Н. Бортвин. По следам восточных караванов // Уральский следопыт; 1935).

На внешней границе функционально-грамматического поля скреп, образованных от предлога *в вопросе*, находятся скрепы, в которых главенствует в целом категориальная семантика опорного существительного *вопрос*, требующая наличия в придаточной части анафорического местоимения *который*, в результате чего скрепа *который* выражает не изъяснительные, а атрибутивные отношения в сложном предложении: **В вопросе, на который** в ходе референдума отвечают жители Ломбардии, отмечается, что данный процесс должен проходить в условиях «национального единства» (Парламентская газета, 10.22. 2017). Но и в таких предложениях изъяснительная семантика порой маркируется лексическими показателями: **Но самое главное** — **циничное манипулирование** званием ветерана отряда «Россы» **в вопросе, который** до сих пор остается для многих ветеранов самым острым — **квартирном вопросе** (Новый регион 2, 28.12.2010). Контексты единичны.

Подобная маркировка используется в предложениях и с синонимичными изъяснительными лексемами типа *слух*: **Распространился слух, который** еще не проверен, — **что итальянцы бомбардируют Бейрут** (Русское слово, 25.02.1912). *Слух,*

который ходил обо мне, **что я с ума сошел, не совсем неправдоподобен** (П. И. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк; 1878). Так что можно констатировать, что на пересечении рассмотренных конструкций заканчиваются границы языкового пространства, занимаемого скрепами с базовым предлогом *в вопросе*. Развитие этого пространства, именуемого функционально-грамматическим полем союза, возможно в пополнении центральных зон поля за счет грамматикализации скреп, уже существующих в поле, и последующих изменений внутренних границ поля.

Итоги.

1. Морфосинтаксическая парадигма предлогов с лексемой *вопрос* представляет собой систему из 6 подпарадигм — синонимико-вариативных рядов, сформированных на основе 6 базовых предлогов *в вопросе/ в вопросах, к вопросу / к вопросам, по вопросу / по вопросам* в сочетании с предлогами-редупликаторами. Объем каждой подпарадигмы составляет 18 предложных единиц, а объем общей морфосинтаксической парадигмы — 108 предложных единиц, из которых в речи реализованы 67, потенциальных 41. Это означает, что языковая система, в частности область предложных средств, располагает солидным потенциалом, который может быть все время востребован речевой практикой.

2. Механизм образования союзных средств от предлога *в вопросе* основывается на соединении предлога с местоимениями в главной частиц и союзами / союзными словами в придаточной. Собственно союзы формируются соединением асемантических элементов обеих частей — *того, о том* в главной и союзов *что, чтобы* в придаточной.

3. По мере проявления семантики указательных местоимений в главной части в сочетании с союзами и союзными словами формируются модели скреп с разной степенью грамматикализации, что обеспечило 5-зональную структуру функционально-грамматического поля скреп, образованных от предлога *в вопросе*.

4. Редупликаторы в механизме образования союзных средств выполняют различные функции — необходимого и главного компонента союза (*в вопросе о том, что*), экспликатора связи между компонентами

союза или скрепы (*в вопросе относительно того..., ли*), конкретизатора значения и стилового характера скреп.

5. Реальное употребление отпредложных союзов и скреп свидетельствует о значительном влиянии языка СМИ на функционирование и развитие предложной и союзной систем русского языка.

6. Есть основания предполагать, что аналогичный механизм образования и структура ФГП союзных средств характерны и для скреп, образованных от остальных пяти базовых предлогов с лексемой *вопрос*, однако плотность конституэнтного наполнения зонального пространства ФГП скорее окажется различной.

Литература

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. Москва ; Ленинград : Наука, 1964. 105 с.
2. Белашапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис : учебное пособие. Москва : Высшая школа, 1977. 248 с.
3. Всеволодова М.В. Проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис (русский язык)» // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2 (10). С. 4–17.
4. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа : материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. В 2 книгах. Кн. 2. Реестр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика) / М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов ; под общей редакцией М.В. Всеволодовой. Москва : URSS, 2018. 797 с.
5. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа : материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. В 2 книгах. Кн. 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов ; под общей редакцией М.В. Всеволодовой. Москва : URSS, 2014. 304 с.
6. Конюшкевич М.И. Моделирование как способ инвентаризации скреп русского языка // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. № 1 (13). С. 8–21.
7. Конюшкевич М.И. О вмещающих конструкциях, и не только о них // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 2 (7). С. 50–65.
8. Прияткина А.Ф. К теории производного предлога // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 3 (11). С. 2–10.
9. Чайковская Н.Н. Способы выражения изъяснительных отношений в современном русском языке : автореферат диссертации доктора филологических наук. Усть-Каменогорск, 1989. 30 с.

Functional-Grammatical Field of Staples, Formed from Prepositional units with the Lexeme *Vopros*. Article One

M.I. Konyushkevich,

Dr. hab in Philology, Full Professor

Independent Researcher, Grodno, Belarus

E-mail: marikon9@mail.ru

The article demonstrates modelling and verification by speech practice of the volume and boundaries of the morphosyntactic paradigm of prepositions with the lexeme *vopros* (question) in the volume of 108 prepositional units, including reduplicators, including potential ones. The “conjunction-forming” potential of the preposition paradigm *v voprose*, realized by the basic preposition and two reduplicates, is presented; the functional-grammatical field of conjunction means is structured from 5 zones — the core of conjunctions, the near-core zone and the peripheral zones — near, far, outermost.

Key words: preposition, conjunction, staple, paradigm, functional-grammatical field.

Способы наименования мобильных устройств на основе компьютерных технологий в современном русском языке

Мао Юйянь,

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: maoyuyann@gmail.com;

Ольга Викторовна Дедова,

доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: ov-dedova@yandex.ru

Целью статьи является теоретическое обоснование понятия «персональное компьютерное устройство» и анализ лексики, называющей мобильные типы этих устройств. Обсуждаются неологические процессы в данной сфере и способы адаптации заимствуемых англицизмов. Рассматриваемая лексика фрагментарно и непоследовательно представлена в словарях, в ряде случаев отсутствуют правила единообразного написания. Лексический материал, описываемый в статье, получен в результате анкетирования, также были проанализированы данные НКРЯ и результаты интернет-поиска по ключевым словам.

Ключевые слова: персональное компьютерное устройство, неологическая лексика, адаптация англицизмов, орфографическая вариативность.

Введение. С развитием технологий появляются новые типы мобильных персональных устройств, осуществляющих функции компьютера. Смартфоны, планшеты, «умные часы» (смарт-часы) и т. д. получают всё большее распространение, но их узуальные наименования нельзя назвать устоявшимися. Некоторые лексемы, называющие данные реалии, не вошли в современные словари, у них даже может не быть единообразного написания, регулируемого конкретными орфографическими правилами (ср. *смарт часы*, *смарт-часы*, *смартчасы*).

В статье мы ставим перед собой две основные цели: теоретически обосновать принадлежность указанной лексики к семантическому полю «персональные компьютерные устройства»; проанализировать способы лексического наименования соответствующих объектов. Материалом исследования стали результаты анкетирования, а также данные НКРЯ и интернета.

О понятии «персональное компьютерное устройство». Это понятие требует уточнения, так как наблюдается несовпадение лингвистической информации, присутствующей в современном русскоязычном узусе, и реальных технологических характеристик указанных устройств. С «энциклопедической» точки зрения, смартфоны, планшеты, «умные часы», безусловно, должны быть причислены к разряду персональных компьютерных устройств (причем приведенные здесь лексические средства не являются единственными способами наименования данных реалий). Для этого имеются следующие основания:

- Эти средства, подобно персональным компьютерам, позволяют искать, хранить информацию в электронном (цифровом) виде, обрабатывать ее и обмениваться ею. Таким образом, важнейшая функция этих устройств — коммуникативная.

- Они используют определенные типы программного обеспечения, что делает их

совместимыми друг с другом и с компьютерами.

- Средства ориентированы на персональное использование, они аккумулируют и хранят информацию о конкретном пользователе.

Приведенные критерии позволяют конкретизировать понятие «персональное компьютерное устройство». Исходя из них, к этой категории не относится современная техника (бытовые приборы, фитнес-браслеты и т. д.), использующая компьютерные технологии, но не соответствующая первому критерию: работа с информацией и осуществление коммуникативных функций.

Словосочетание *персональный компьютер* является заимствованием из английского языка (от *personal computer*) и обозначает «микро-ЭВМ индивид. пользования, ориентированную на решение разл. задач как специалистами, и неспециалистами в области вычислит. техники» [БРЭС 2009: 1168]. Отметим, что современные зарубежные лингвистические словари причисляют мобильные устройства на основе компьютерных технологий (планшет, смартфон, умные часы) к разряду персональных компьютеров [Oxford Learner's Dictionary].

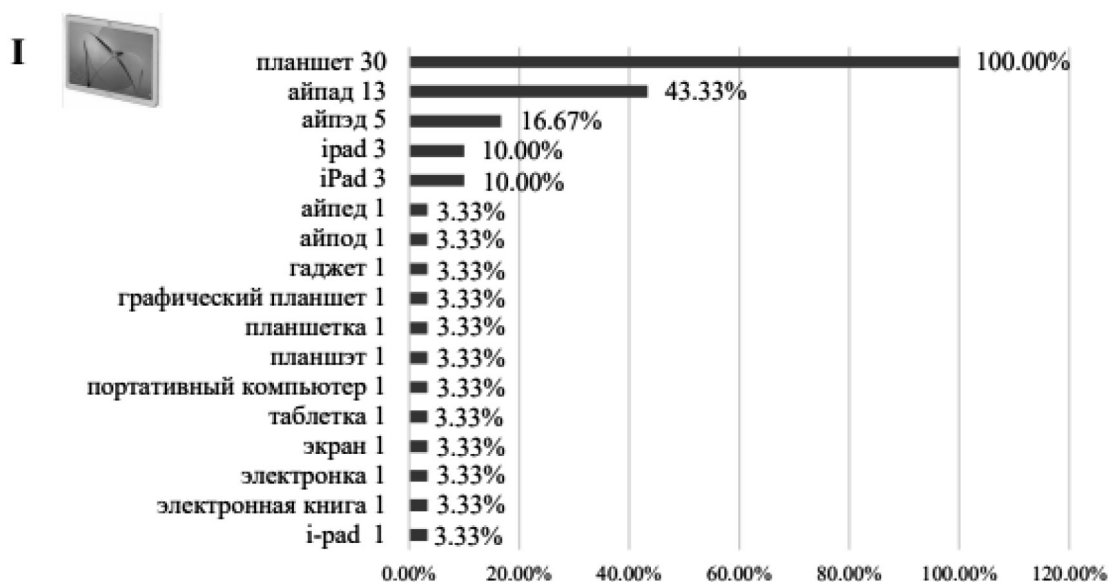
У объектов, относимых к разряду мобильных компьютерных устройств, варьируются приоритетные функции, на что указывают их потенциальные узуальные наименования (смартфон — это *телефон*, эплвач — *часы* и т. д.). Хотя технологический прогресс позволяет совмещать различные опции в устройствах, нами было отмечено, что они сохраняют четкую денотативную специфику, в результате чего носители языка в целом не смешивают их названия.

Анализ материала. Для уточнения нелогических процессов в данной сфере и лексических способов наименования мобильных устройств нами было проведено анкетирование. Респондентам была предложена анкета на тему «Типы мобильных компьютерных устройств», в которой представлены в виде графических изображений 4 объекта: **планшет, современный кнопочный мобильный телефон, смартфон, «умные часы»** (эти наименования парадигматически вариативны, имеются сино-

нимические средства обозначения). Под планшетом имеется в виду портативный небольшой компьютер с сенсорным экраном и обычно без «физической» клавиатуры, под мобильным телефоном (от англ. *mobile phone*) — средство мобильной сотовой связи, предназначенное преимущественно для голосового общения, под смартфоном — мобильный телефон, дополненный функциями персонального компьютера, под умными часами — электронные часы, дополненные функциями персонального компьютера. Отметим, что стандартный мобильный телефон, не имеющий функций персонального компьютера, естественно, не может быть отнесен к разряду компьютерных устройств, но этот объект был включен в анкету для того, чтобы выяснить, насколько узуально разнесены способы наименований мобильного телефона и смартфона. В проведенном исследовании мы не рассматривали названия устройств, не имеющих широкого распространения в настоящее время: так, сейчас уже практически не используется *айпод*, а *умные очки*, напротив, появились сравнительно недавно и пока не стали популярными.

В опросе участвовало 30 носителей русского языка в возрасте от 18 до 40 лет. Пред ними была поставлена следующая задача — около предложенных изображений указать все потенциальные названия данных устройств и варианты их написания (если они есть, с точки зрения респондентов). Проанализируем полученные данные.

На рис. 1 представлено 17 наименований планшета. Наиболее частотным является номинация *планшет* — ее указали 100% респондентов. В «Толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова у этой лексемы фиксируется новое значение, указывающее на тип компьютерного устройства: «плоский персональный компьютер, оборудованный экраном, позволяющим прикосновениями к нему пальцев вызывать необходимые программы, вводить информацию и т. п.» [ТСРЯ 2020: 116]. В английском языке данная реалия называется *tablet PC* (от *tablet* «плитка, дощечка»), поэтому русскоязычную лексему нельзя считать калькой. Русское *планшет* (от фр. франц. *planchette*, уменьшительное от *planche* — доска) можно объяснить

Рис. 1. Результаты анкетирования — *планшет*

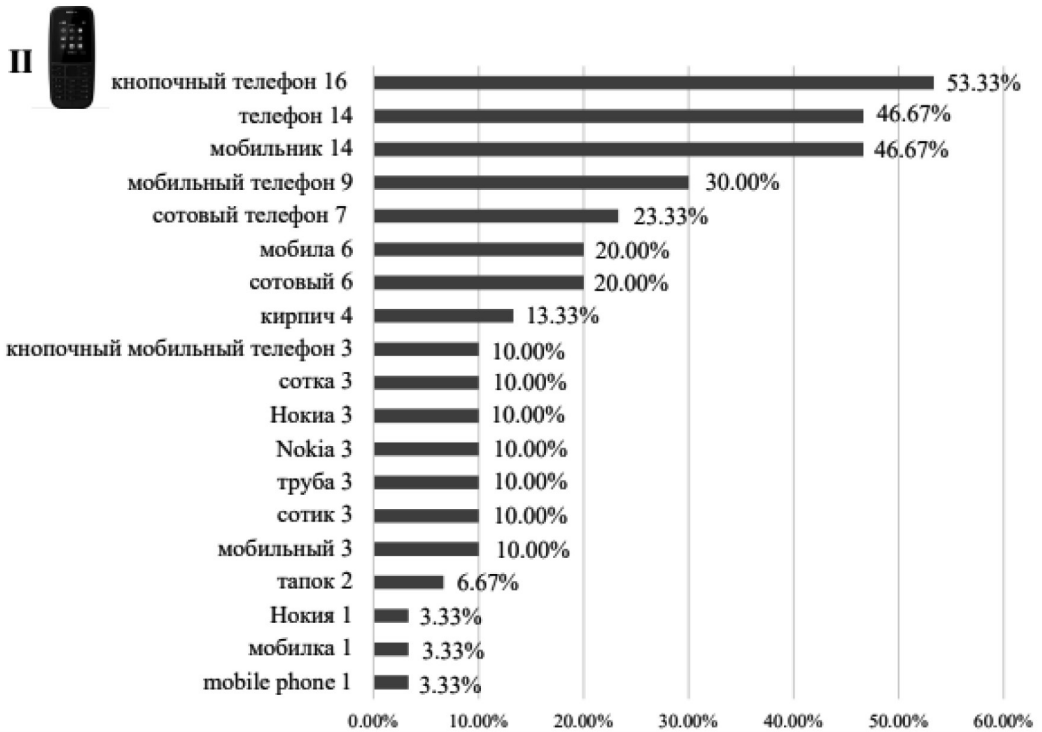
регулярным значением лексемы — ‘плоская сумка для ношения карт с прозрачной пластинкой на наружной стороне’ [Ефремова 2000: 109]. То есть русскоязычная номинация, как и английская, возникла в результате метафорического переноса на основе схожести форм сопоставляемых объектов, но при этом использованы несовпадающие по семантике исходные лексемы. Параллельно номинации *планшет* употребляется также *планшетка*, что не нарушает деривационные связи данных лексем в их исходных значениях — ср. *планшетка* — ‘то же, что: планшет’ [Ефремова 2000: 109]. Результаты проведенного исследования показали, что слово *таблетка* (от англ. *tablet*) также может употребляться как обозначение данного устройства, но эта номинация является существенно менее частотной — она отмечена в результатах анкеты лишь один раз.

Второй по частотности номинацией является коммерческое имя собственное *айпад* (от англ. *iPad*), которое употребляется для обозначения данного устройства вне зависимости от фирмы-производителя (ср. *макбук* и *мак* для наименования ноутбука [Мао Юйянь, Дедова 2021: 536–537]), варианты написания: *айпад*, *айпэд*, *айпед* — «Умным домом» можно управлять

на расстоянии — через интернет, с помощью всяких айфонов и **айпадов**; «Мариша пила кофе из большой кружки с “Ирисами” Ван Гога, на колене у неё лежал **айпэд**, и она нервно водила пальцем по экрану»; «Считаю **айпед** игрушкой для развлечения» [НКРЯ]. Кроме того, данная реалья — опять же вне зависимости от фирмы производителя — может обозначаться с использованием англоязычных вариантов написания коммерческого имени: *ipad*, *iPad*, *i-pad*.

Были получены номинации планшета при помощи гиперонимов (*электронка*, *гаджет*, *портативный компьютер*), гипонима (*графический планшет*), а также меронима (*экран*).

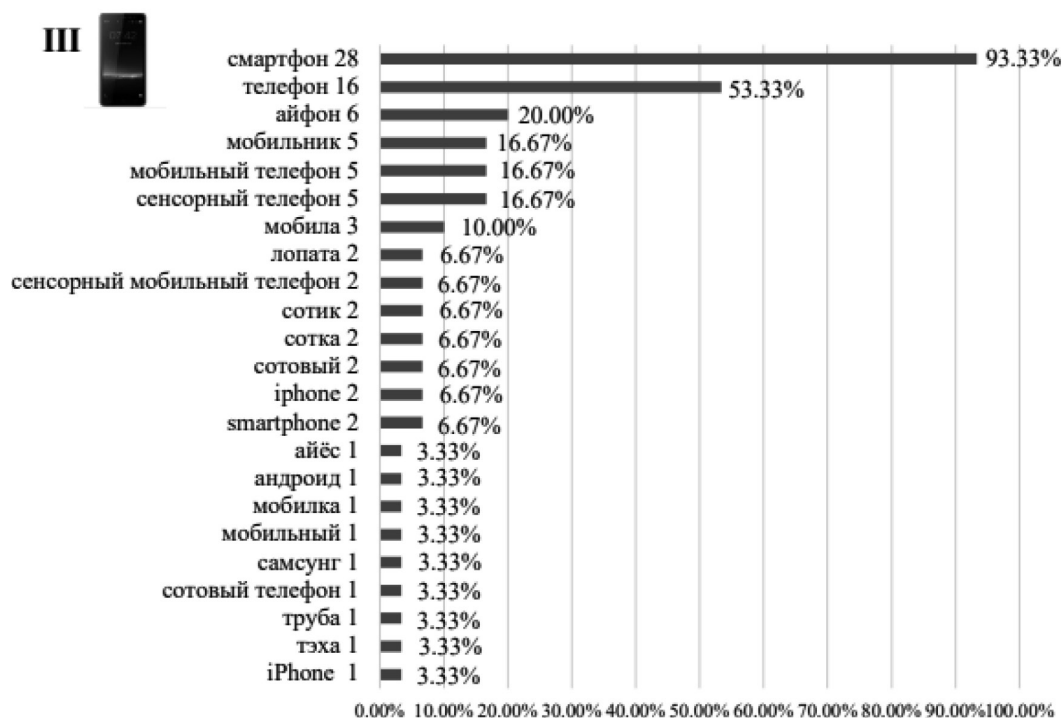
На рис. 2 представлены наименования кнопочного телефона, не оснащенного компьютерными функциями. С развитием технологий мобильных телефонов эволюционируют их функции и внешний вид, однако самым распространенным лексическим средством, их называющим, остается слово *телефон*. Кроме того, в наименованиях предмета представлен неморфологический способ словообразования: *мобильный телефон* — *мобильный*, *сотовый телефон* — *сотовый*. Данные дериваты обладают словообразовательной продуктивно-

Рис. 2. Результаты анкетирования — *мобильный кнопочный телефон*

стью: *мобильный (телефон)* — *мобильник, моби́ла, мобилка*; *сотовый (телефон)* — *сотка, сотик*. В результатах анкеты присутствуют жаргонизмы: *кирпич, тапок*, характеризующиеся яркой метафоричностью и экспрессивностью, а также негативными оценочными коннотациями. Номинация *труба* образована по метонимической модели от словосочетания *телефонная трубка*. Отметим, что данный способ обозначения мобильного телефона практически ушел из реального узуса, его употребление было характерно для конца 90-х — начала 2000-х годов. Вероятно, отвечая на вопросы анкеты, респонденты таким образом хотели указать, что данный тип телефона по времени предшествовал бескнопочным.

В п. III анкеты присутствует изображение современного бескнопочного мобильного телефона (эти телефоны выполняют функции мобильных компьютерных устройств). Нам было интересно выяснить, различает ли узус способы наименования этих и более «старых» кнопочных телефонов.

Как видно из приведенных данных, было указано 23 наименования. Наиболее частотным является заимствованное слово *смартфон* (от англ. *smartphone*) — его указали 93.3% респондентов, однако гипероним *телефон* также назван. Указаны коммерческие имена собственные как средства обозначения данного типа устройства: *айфон (iPhone), самсунг*. Ряд номинаций содержит прилагательное *сенсорный*, что указывает на отсутствие кнопок — внешнее отличие данного типа устройства. Представляет интерес метонимическое название смартфона коммерческими именами популярных мобильных операционных систем: *айёс* (от англ. IOS, фирма Apple), *андرويد* (от англ. Android, фирма Samsung и др.). В ответах также есть жаргонизмы: *мобилка, труба* (уже отмеченные выше) и *тэха*. Последняя номинация принадлежит армейскому жаргону: «**Тэха, тапок**. Данными словами в армии называют телефоны. И если “тэхой” принято называть любой телефон (скорее всего сенсорный), то “тапок” это обычно самый простой

Рис. 3. Результаты анкетирования — *смартфон*

кнопочный телефон» [<https://dzen.ru/a/XxNX8bQ3xXnlpIrW>].

Сопоставление пунктов анкеты II и III позволяет выявить сходства и различия в способах наименования двух типов мобильных телефонов в современном русском языке:

- В настоящее время узуально эти реалии не всегда различаются, о чем свидетельствуют номинации-гиперонимы *телефон*, *мобильный телефон*, *мобильник*, *мобила*, *сотовый* и под., сопровождающие оба изображения. При этом в ответах на вопрос III анкеты всё же преобладает лексема *смартфон*, что свидетельствует о тенденции к разграничению реалий.

- В обоих случаях для обозначения рассматриваемых предметов вне зависимости от точных названий фирм-производителей могут употребляться имена собственные в различных вариантах написания: *нокиа* / *Nokia* — для обозначения кнопочных мобильных телефонов; *айфон* / *iPhone*, *самсунг* / *Samsung* — для бескнопочных. Эти наименования отражают популярность той

или иной фирмы-производителя на определенном этапе развития рынка мобильной связи. Если говорить о функционировании имен собственных в качестве средств наименования современных бескнопочных мобильных телефонов, то с этой целью могут использоваться русифицированные коммерческие названия операционных систем.

- Представляет интерес анализ наименований-жаргонизмов: *кирпич* — ‘кнопочный мобильный телефон’ и *лопата* — ‘бескнопочный мобильный телефон’. Яркая экспрессивная метафоричность этих номинаций отражает эволюцию формы мобильных телефонов — они становятся все тоньше, а площадь их экранов больше.

Еще одним представителем класса мобильных компьютерных устройств являются т. н. *умные часы*, или *смарт-часы*. Эта реалья по времени своего возникновения является последней в классе рассматриваемых объектов, поэтому способы ее наименования наиболее вариативны — представлено 31 наименование.

В пункте IV анкеты представлено 31 наименование «умных часов», что превышает количество предложенных вариантов в пп. I–III. Номинации *часы*, *умные часы*, *смарт-часы*, *электронные часы* упоминаются почти с одинаковой частотой. Как и в предыдущих случаях, наименования на основе коммерческого имени Apple употребляются вне зависимости от фирмы-производителя: *эпл вотч*, *эплватч*, *эполвотч*. Кроме того, в анкете имеются номинации-гиперонимы: *наручные часы*, *гаджет*, *электронные наручные часы*.

Структура лексико-семантической группы (ЛСГ) «мобильные устройства» в пределах поля «персональные компьютер-

ные устройства». Проведенный анализ позволил выявить формирующуюся понятийную структуру исследуемой ЛСГ в пределах поля «персональные компьютерные устройства». При этом нами выявлена тенденция к референциальному смещению родо-видовых корреляций, что выражается в узальной неопределенности в ряде случаев т. н. понятия базисного уровня в цепочке гипо-гиперонимов. Например, планшет может обозначаться как при помощи гиперонимов (*электронка*, *гаджет*), так и посредством гипонимов (*айпад*, *графический планшет*). Цепочка гипо-гиперонимов получена также в результатах ответов на п. II (кнопочный мобильный телефон) и п. III

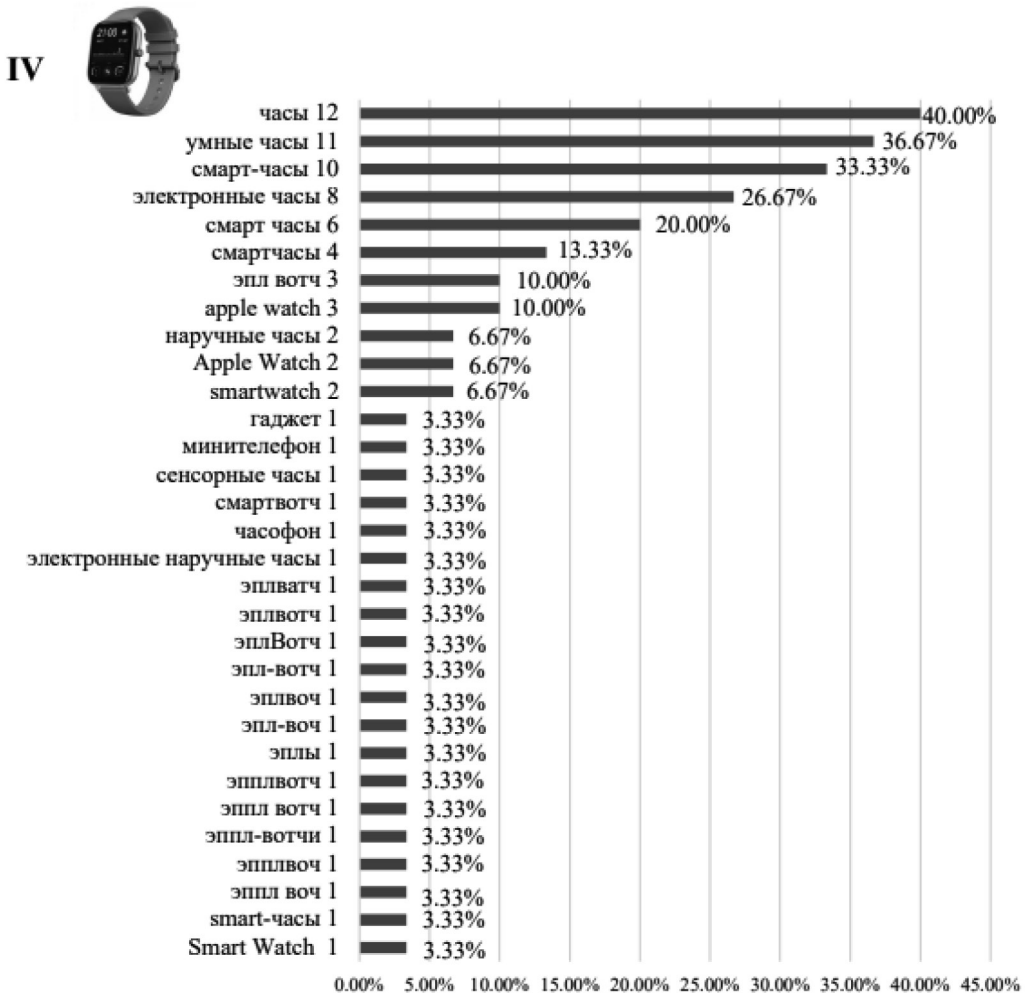

Рис. 4. Результаты анкетирования — умные часы

(смартфон) анкеты. Как и планшет, данные реалии также имеют различные наименования. Оба типа устройств могут обозначаться при помощи гиперонимов (*телефон, мобильный телефон, сотовый телефон, мобила*) и при помощи гипонимов-имен собственных, причем для кнопочного телефона получены номинации *Нокиа, Nokia*, а для сенсорного — *Айфон, iPhone*, что свидетельствует о популярности продукции той или иной фирмы на определенном этапе развития технологий. Наибольшую вариативность имеет название т. н. умных часов (IV пункт). Данная реалия может обозначаться при помощи гиперонимов (*гаджет, часы, электронные часы, наручные часы*), а также гипонима — имени собственного (*эпловотч*). Отметим, что гипероним *гаджет* может обозначать любое устройство в пределах поля — в ответах анкеты он также предложен для наименования планшета.

Референциальная нечеткость, связанная со смещением гипо-гиперонимических границ в пределах поля, на наш взгляд, имеет следующие причины: исследуемая денотативная сфера является инновационной, ее лексический состав формируется стремительно и стихийно; носители современного русского языка в разной степени вовлечены в эту сферу, их компетенции в использовании данных устройств различны. Помимо смещения гипо-гиперонимических отношений, результаты анкетирования также отражают ошибки в определении типа устройства — были предложены неузловые номинации, например, планшет был назван *портативным компьютером и экраном*.

Номинации на основе умный / смарт как средство обозначения различного типа устройств на основе компьютерных технологий. Заслуживает внимания развивающееся неологическое значение лексемы *умный* (калька с англ. *smart*) в аспекте современных электронных технологий. В настоящее время появляется всё больше подобных номинаций. Помимо *умных часов*, есть *умный дом* («Таким образом, ваш смартфон становится “мозгом” и “сердцем” **умного дома**» <https://hi-tech.mail.ru/review/LG-G7-ThinQ-AI/>); *умный телевизор* («Smart TV, или **“умный” телевизор** — это оборудование, совмещающее в себе функции мультимедийного устройства и классического ТВ-при-

емника» <https://stroy-podskazka.ru/smart-tv/dlya-chego/>); *умные очки / смарт-очки* («Эти **умные очки** позволят вам записывать видео и снимать фотографии без смартфона с помощью двух 5-Мп камер» <https://mews.biggeek.ru/10-umnyh-ochkov-kotoryemozhno-kupit-prjamo-sejchas/>); *умный автомобиль* («**Умные автомобили** — это смесь транспорта, робота и искусственного интеллекта в массовом сознании» <https://hi-news.ru/tag/umnye-avtomobili>); *умный пылесос* (или *робот-пылесос*) («пылесос, предназначенный для автоматической уборки помещений с минимальным участием человека или без него» <https://ru.wikipedia.org/wiki/Робот-пылесос>).

На основе приведенных примеров можно предложить следующее толкование: *умный* — ‘характеристика электронного устройства, работающего на основе компьютерных технологий с элементами искусственного интеллекта’. Отметим, что словосочетание *умный телефон* (калька с англ. *smart phone*) в современном русском языке применяется описательно, не являясь узально распространенным лексическим способом обозначения реалии («Чем смартфона умнее сотовых телефонов» <https://digitaltopics.ru/reviews/chto-delaet-smartfon-umnyim/>). Может появляться в контекстах объяснения англицизмов: «Термин “смартфон” (от англ. *smartphone*) переводится на русский язык как **“умный телефон”**» [НКРЯ]. Видимо, в момент появления и распространения смартфонов (начало 2000-х гг., сам термин был введен компанией Ericsson в 2000 г.) лексема *умный* еще не развила указанного неологического значения, поэтому название реалии осуществлялось путем прямого заимствования.

Орфографическая специфика исследуемой неологической лексики. В результате анализа данных анкетирования, а также наблюдений над функционированием исследуемых слов в современном русском языке (данные интернет-поиска, НКРЯ) можно отметить орфографические особенности написания названий портативных компьютерных устройств в современном русском языке:

- Как и в других случаях появления в современном русскоязычном письменном узусе англоязычных заимствований,

написание указанной инновационной лексикой не регламентируется четким правилом употребления букв Э/Е после согласного, а это свою очередь может косвенно указывать на твердость-мягкость данного согласного при функционировании слов в устной речи: *айнэд, айнед* (ср. *тег/тэг, веб/вэб* и т. д.). Видимо, это связано с тем, что позиция согласного перед фонемой /Э/ является в настоящее время сильной (смыслоразличение коррелятов типа [сэр] — [с'эр]). При этом написание через Э может становиться своеобразным маркером, указывающим на принадлежность называемой реалии к компьютерной сфере. Так, лексема *планшет*, называя тип мобильного компьютерного устройства, может писаться как *планшет* (данные анкеты); написание нарушает семантическую связь с исходными значениями лексемы, в результате чего появляется слово-омоним компьютерной сферы (их звучание идентично).

- Если написание через Э/Е не всегда отражает реальное произношение заимствований, то наблюдаемая вариативность ударных Е, Э/А; А/О появляется под влиянием устной звучащей формы неологической лексики. Отметим, что регламентации на уровне лексикографической практики в данном случае также практически нет. Например, коммерческое имя собственное *iPad* имеет русскоязычные варианты написания: *айпад, айнэд, айнед*. При этом по данным «Русского орфографического словаря» [РОС 2018]), слова, имеющие заимствованный элемент *pad* в кириллическом написании (*геймпэд* и *тачпад* и под.), следует писать и произносить с А. Таким образом, предпочтительнее вариант *айпад*. Вариативность написания через А/О также возникает под воздействием устной формы заимствуемых слов: *эплатч — эпловтч*, поскольку гласные находятся под ударением и не подвергаются качественной редукции.

- Следует отметить отсутствие четкой регламентации слитного / раздельного / дефисного написания: *смартчасы — смарт часы — смарт-часы; эпловтч — эпл вотч — эпл-вотч; айпад — ай пад* (последний вариант написания не был указан респондентами, но есть в интернете).

- Передача коммерческого имени *Apple Watch* при помощи кириллицы имеет вари-

ативность передачи английского звука [ʃ]: ч/тч: *эпловтч — эпловч; эпплвоч — эпплвотч*.

- Кириллическое написание коммерческого имени *Apple* также характеризуется вариативностью п/пп: *эпловтч — эпплвотч*.

- Возможно использование строчных и прописных букв при передаче английских имен собственных: *айпад — Айпад — ай Пад, айфон — Айфон* и т. д.

- Отмечается вариативность кириллического написания имени собственного *Nokia* с конечными Я/А: *Нокия — Нокуа*. Регламентирующего актуального орфографического правила в данном случае также нет, поскольку, по нашим наблюдениям, конечный гласный может интерпретироваться носителями современного русского языка как часть корневой основы, а не как окончание, о чем свидетельствуют неузальные дериваты типа *нокиялюб* («Если кто-то будет пытаться иметь что-либо против этой модели, знайте: он — **нокиялюб!**» <https://helpix.ru/siemens/sx1/opinion/0042.html>), *нокияфон* («Обычный **нокияфон** для развивающихся рынков, с завышенной ценой» <https://habr.com/ru/post/370215/comments/>). Об этом же свидетельствует отсутствие в ряде случаев словоизменения у этого коммерческого имени — ср. («Неужели только у **Нокиа** никуда негодные телефоны?» <https://otvet.mail.ru/question/35523121>), («купить **Нокия**») и т. д.

Выводы

- Лексико-семантическое поле «персональные компьютерные устройства» и рассматриваемая в статье его ЛСГ «мобильные устройства» отражают реалии актуальной, активно развивающейся денотативной сферы. Данная лексика, характеризующаяся коммуникативной востребованностью, последовательно отражается современными лингвистическими словарями, нет четких правил, регламентирующих ее написание. Это делает актуальной задачу ее изучения.

- Для определения границ и состава поля потребовалось уточнение понятия «персональное компьютерное устройство». Были предложены следующие критерии: хранение, поиск и передача вербальной и мультимедийной информации в электронном (цифровом) виде (т. е. превалирование коммуникативной функции); программно

поддерживаемая совместимость; ориентированность на персональное использование.

• Основным источником формирования поля, в целом, и рассматриваемой ЛСГ, в частности, являются англицизмы. При этом они подвергаются активной адаптации. Об этом свидетельствуют жаргонные номинации на основе семантической дери-

вации узуальных слов (*труба, кирпич, планшет*), словообразовательные процессы (*мобильник, мобила*), развитие специфических лексико-грамматических категорий (например, под влияем лексемы *часы* возникает номинация-pluralia tantum *эппл-вотчи*). Это свидетельствует о значительном словообразовательном и когнитивном потенциале современного русского языка.

Литература

1. БРЭС — Большой Российский энциклопедический словарь. Москва : Большая Российская энциклопедия, 2009. 1887 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : свыше 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц. В 2 томах. Т. 2. П — Я. Москва : Русский язык, 2000. 1084 с.
3. Мао Юйянь, Дедова О.В. Лексические способы наименования персонального компьютера в современном русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 534–537.
4. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>.
5. РОС — Русский орфографический словарь : около 200 000 слов / О.Е. Иванова, В.В. Лопатин, И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова ; под редакцией В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 5-е изд., испр. Москва : АСТ-пресс школа, 2018. 879 с.
6. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка. В 2 томах. Т. 2. П—Я / автор-составитель С.А. Кузнецов ; ответственный редактор С.И. Богданов. Москва : Русское слово — учебник, 2020. 1444 с.
7. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

Methods of Naming Mobile Devices Based on Computer Technology in Modern Russian

Maoyuyan,

Post-graduate student

Lomonosov Moscow State University

E-mail: maoyuyann@gmail.com;

Olga Dedova,

PhD, Full Professor

Lomonosov Moscow State University

E-mail: ov-dedova@yandex.ru

The purpose of the article is the theoretical substantiation of the concept of “personal computing device” and the analysis of the vocabulary naming mobile types of these devices. Neological processes in this area and ways of adaptation of borrowed Anglicisms are discussed. The vocabulary under consideration is fragmentary and inconsistently presented in dictionaries, in some cases there are no rules for uniform spelling. The lexical material described in the article was obtained as a result of a questionnaire, the data of the Russian National Corpus and the results of an Internet search for keywords were also analyzed.

Key words: personal computing device, neological vocabulary, adaptation of Anglicisms, orthographic variance.

DOI: 10.18572/2687-0339-2024-1-19-25

«Бебрянь рукавъ» «Слова о полку Игореве» в русской и китайской славистике

Анна Валерьевна Архангельская,

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: arhanna@mail.ru;

Ли Цзивэй,

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: zwli1563107653@outlook.com

Выражение «бебрянь рукавъ» до сих пор остается одним из спорных мест в «Слове о полку Игореве», время от времени получающим новые истолкования. Статья ставит целью проследить эволюцию толкований данного выражения. Демонстрируются рациональность и обоснованность различных взглядов с учетом их отражения как в существующих переводах «Слова» на современный русский язык, так и в переводах и интерпретациях китайских славистов. Обращается внимание на ограничения разных гипотез и многозначность самого выражения. В результате, системно оцениваются возможности и перспективы герменевтических исследований выражения «бебрянь рукавъ» для литературоведческого и историко-культурного изучения «Слова о полку Игореве» и его эпохи.

Ключевые слова: бебрянь рукавъ, «Слова о полку Игореве», плач Ярославны, герменевтические исследования, перевод.

Одним из самых часто цитируемых, переводимых и наиболее разносторонне исследованных фрагментов «Слова о полку Игореве» по праву является знаменитый «плач Ярославны». Число переводов и переложений одного из самых лирических отрывков древнерусского эпоса исчисляется сотнями, многие известные поэты обращались к нему как к своеобразному вызову, соревнуясь друг с другом в попытках передать всю глубину и символическую насыщенность древнерусского оригинала. Тщательно рассмотрено и изучено практически каждое слово в этом тексте, но многие аспекты, начиная от жанровых характеристик и заканчивая конкретными лексическими значениями, до сих пор обсуждаются, неоднозначно оцениваются и интерпретируются. Эти точки зрения отражаются в переводах не только на современный русский, но и на иностранные языки. Мы рассмотрим, как разные русские исследователи толкуют словосочета-

ние «бебрянь рукавъ», омочив который в реке Каяле, Ярославна хотела утереть кровавые раны на теле своего мужа. Особое внимание уделяется тому, какие варианты предпочитают русские и зарубежные переводчики. Выбор китайских переводов в качестве объекта исследования обусловлен тем, что в данном случае можно проследить как влияние советской и российской медиевистики на китайскую русистику, так и попытки адаптировать древнерусский памятник для читателя с принципиально иным литературным опытом.

В переводах «Слова» спорное слово «бебрянь» может опускаться (А.А. Прокофьев предлагает вариант «И в реке Каяле дальней / Я рукав свой омочу»¹), сохраняться (у А.Н. Майкова читаем: «Омочу бебрян

¹ Здесь и далее поэтические переводы «Слова», кроме особо оговоренных случаев, цитируются по: [Слово онлайн].

рукав в Каяле», у А.К. Югова: «Омочу бобрый рукав у Каялы-реки»), либо заменяться — причем достаточно частотно — на прилагательное «белый» (у И.И. Шкляревского обнаруживается: «долечу до реки до Каялы, / омочу в ней рукав свой белый», у современной поэтессы Марии Ботевой — «воды набирать обмакивать белые рукава в реке Каяле»).

Такие варианты перевода связаны с тем, что сам факт наличия в авторском тексте древнерусского памятника определения «бобрый» до сих пор подвергается сомнению. Совсем недавно И.В. Лемешкин предлагал рассматривать данное выражение в мусин-пушкинском сборнике как искаженное под влиянием предшествующей «Слову» «Повести об Акире Премудром», включавшей упоминание «бобра», словосочетание «верчень» или «берчать» рукав, т. е. узорчатый, расшитый вышивкой и в то же время съёмный, такой, который можно было отстегнуть или оторвать от одежды и использовать отдельно [Лемешкин 2017: 43–61].

Наиболее частотным толкованием слова «бобрый» оказывается вариант «бобровый» и его производные. Н.В. Шарлемань довольно подробно отстаивал точку зрения на «бобрый» как «бобровый», отмечая, что мех бобра «дорого ценился и шел на обшивку рукавов и на воротники». Полемизируя с А.К. Юговым, упоминавшим вариант тигровой шкуры, Н.В. Шарлемань указывал на синонимические отношения слов «бобр» и «бобр» в древнерусском языке: «Это название созвучно санскритскому babru, белорусскому бабер, литовскому babru, bebris, а также большинству названий этого зверя на древних и современных языках Европы и передней Азии» [Шарлемань 1948: 117]. Исследователь также обращал внимание на народные представления об особых свойствах бобровой шкуры и меха, известные в древней Руси и отчасти сохраняющие распространение до наших дней: «В древней Руси бобр был широко распространен, его мех шел на изготовление предметов широкого употребления. Кроме того, бобровый мех

и бобровая струя считались в народе целебными. Занимаясь в 20-х годах изучением бобра на р. Тетерев вблизи Киева, я узнал от одного охотника, что наилучший способ остановить кровотечение — потереть ранку бобровым мехом, смоченным в воде» [Шарлемань 2014: 422].

Специалисты по истории русского костюма подтверждают, что меховая одежда или ее детали воспринимались в Киевской Руси как знак статуса². В русском средневековье «княжеская дань неизменно исчислялась в пушнине», что, как отмечает Б.А. Рыбаков, даже в определенной степени способствовало развитию пушной охоты в древней Руси, хозяйство которой не было охотничьим [История культуры Древней Руси: 322]. Поскольку меха пушных зверей «представляли наибольшую ценность на мировом рынке» [там же], неудивительно, что они также пользовались большой популярностью среди русской знати.

В соответствии с этой версией получили широкое распространение варианты перевода «бобровый» или «отороченный мехом бобра», «с бобровою опушкой». Это значение приводится в прозаическом переводе Р.О. Якобсона, оно было распространено в ранних поэтических переводах «Слова», его используют В.А. Жуковский («Омочу бобровый рукав в Каяле-реке»), Т.Г. Шевченко («Рукав бобровый омочу / В ріці Каялі»), И.И. Козлов («И в Каяле-реке бобровый / Я рукав мой обмочу»), Д.И. Минаев («Так рукав бобровой шубы / «Я въ Каяль омочу!»), А. Вельтман («Въ Каяль бобровый рукав омочу»), Л.А. Мей («Омочу рукав бобровый / Во Каяле, во реке»), К.Д. Бальмонт («Омочу рукав бобровый я в реке Каяле быстрой»), Н.А. Заболоцкий («И рукав с бобровою опушкой / Наклонясь, в Каяле омочу»), Е.А. Евтушенко («рукав с бобровой оторочкой / в реке Каяле омочу»), В.А. Соснора («Омочу рукав бобровый, / князю раны вспеленаю») и др.

² Подробнее см., например, [Захаржевская 2006: 56–73], [Комиссаржевский 2005] и др.

Н.А. Мещерский в начале второй половины XX столетия высказал предположение, что «бобрень» означает «сшитый из белого шелка»³, обратив внимание на имеющиеся в древнерусских переводных текстах упоминания существительного «бобр» в качестве обозначения дорогого шелка. А.А. Пичхадзе указывала на то, что суффикс *-ян* нетипичен для образования прилагательных форм от названий мехов, и считала, развивая мысль Н.А. Мещерского, что «перенос названия меха на ткань мог произойти в древнерусском языке под влиянием хазарского слова «хаз», обозначающего дорогой мех и шелковую материю» [Пичхадзе 2004: 29].

Именно это значение указано в поздних подстрочном и объяснительном переводах Д.С. Лихачева, в прозаических переводах О.В. Творогова, Г.В. Сумарукова, Г.П. Шторма, в поэтических переложениях Р. Митина («Омочу рукав шелковый я крутой волной Каялы»), В. Темнухина («Не крылом коснусь волны бессонной — / Белым шелком с нитью золотой», в его же английской версии — «With white silk gold threaded coat»), Ю. Лифшица («Рукав шелковый омочу в Каяле») и др. Несмотря на то что эта гипотеза пока реже используется в переводах, она стала ведущей в отечественной науке и господствует до сих пор.

В последнее время дискуссии относительно рассматриваемого словосочетания перешли в другую плоскость и обсуждают иные значения входящих в него слов. Одним из последних обращений к трактовке этого словосочетания стала статья Л.В. Соколовой «Каким “рукавом” утирала Ярославна кровавые раны Игоря (к вопросу о поэтике “Слова о полку Игореве”)», где исследовательница, проанализировав большое количество данных, связанных с историей византийского и древнерусского костюма, а также с сербским песенным фольклором, пришла к выводу о том, что речь идет не о рукаве в привычном всем понимании этого слова, а о специальном

платке-полотенце, который фигурирует в былинах и песнях именно в варианте «рукав» или «рукавчик» [Соколова 2019]. Но ее взгляды пока не отражаются в переводах.

Все три основных понимания слова «бобрень» появляются в переводах «Слова» на китайский язык.

Наиболее известным по праву считается первый полный перевод, предложенный Вэй Хуанну в 1957 г. Переводчик-литературовед Вэй Хуанну в первую очередь опирался на перевод «Слова» Д.С. Лихачевым на современный русский язык [Слово 1954], с учетом трактовки текста в издании под редакцией В.П. Адриановой-Перетц [Слово 1950] и в английском переводе 1915 г. [Слово 1915]. Перевод словосочетания «бобрень рукав», предлагаемый китайским переводчиком, такой: «海狸 (бобрый) 长 (длинный) 袖 (рукав)» [Слово 1957: 25]. Слово «бобрень» трактуется как «бобрый». Добавленное в соответствии с ритмом китайского языка прилагательное «длинный» визуализирует, каким именно рукавом Ярославна утирает раны мужа. Такая обработка соответствует толкованию Д.С. Лихачева (что также отмечается в комментарии Вэй Хуанну): «Рукава верхней одежды знати в древней Руси делались длинными. <...> Такой длинный рукав легко можно было омочить в воде, чтобы утирать им раны, как платком»⁴. Эту точку зрения китайские исследователи чаще всего цитируют и упоминают в ссылках.

В первом отрывочном переводе «Слова» на китайский язык, опубликованном в 1934 г., переводчик Мо У предлагал аналогичный вариант «海狸 (бобровые) 皮 (кожаные) 袖 (рукава)» [默无 (Мо У) 1934: 48]. С помощью эпитета «кожаный» материал рукавов отражается еще более конкретно. Вэй Хуанну установил, что этот перевод был осуществлен на основании английского перевода «Слова» [魏荒弩 (Вэй Хуанну) 1985: 15]. Учитывая смысл общего контекста, предполагаем, что перевод был сделан

³ См. [Мещерский 1956: 5–6], [Мещерский 1958: 43–44].

⁴ См. [Слово 1957: 49]. Ср.: [Слово 1950: 461].

на основании английского перевода 1915 г., где предлагается вариант «beaver sleeves», в комментарии к которому отмечено: «Бобрень, modern Russian бобровъ» [Слово 1915: 48].

Как и в русской науке, спорное выражение может оставаться без перевода или заменяться на другие прилагательные, такие, как «мягкий», «белый» или «шелковый». Так, во втором полном переводе на китайский язык, сделанном Ли Сиинем в 1991 г., рассматриваемое выражение переведено как «轻柔的 (мягкие) 双袖 (рукава)» [Слово 1991: 42]. В научно-популярной книге «Большой сад русской литературы» Лю Вэньфэй также предпринял попытку перевести плач Ярославны. Выражение «бобрень рукав» трактуется как «白色的 (белый) 丝 (шелковый) 袖 (рукав)» [Плач Ярославны]. Добавленный белый цвет не только соответствует культуре костюма Древней Руси, но и перекликается с представлением российских ученых и переводчиков.

Если в текстах китайских переводов можно заметить, что гипотеза о «бобровом рукаве» является наиболее распространенной в китайской науке, то в примечаниях к переводам отражается смена авторитетных мнений по этому поводу.

Так, в переводе Вэй Хуанну предлагал лишь один вариант для слова «бобрень» — «бобровый», но комментарий к этому выражению изменился в четвертом издании перевода в 2000 г. В первых трех изданиях, вышедших в 1957, 1983 и 1991 гг., к слову «бобрень» дается комментарий: «Бобровый мех был излюбленным мехом в Древней Руси. Им широко пользовались для опушки краев богатой одежды, в частности, и рукавов»⁵. А в версии 2000 и 2017 гг. добавляется версия, «по которой здесь речь идет о “шелке, атласе”, а не о “бобре”»⁶.

Напомним, что в ритмическом переводе Д.С. Лихачева, опубликованном в 1950 г., выражение также было переведено как «бо-

бровый рукав» [Слово 1950: 70], но в 1961 г. русский ученый изменил свой вариант и предлагал переводить как «шелковый рукав». В примечании Д.С. Лихачева: «Бебрь, беберь, как установлено в последнее время Н.А. Мещерским, — белая шелковая ткань особой выделки. Бобрень — шелковый» [Слово 1961: 224]. Новое мнение впервые упоминается в китайской славистике в комментарии Ли Сииня к слову «бобрень»: «Прилагательное от слова “бебрь” или “бобрь”, “сделанный из меха бобра, украшенный мехом бобра”. По словам Дмитриева, “На Руси был широко распространен бобровый мех, — из него делали опушку на богатой одежде”⁷. По Мещерскому, слово обозначает шелк особой выделки, а не мех бобра, так как тогда было раннее лето. В XII в. в русском языке не было слова шелк, и все дорогие материалы для одежды назывались бобровыми» [Слово 1991: 134–135]. Очевидно, что новые идеи влияют на понимание словосочетания китайским переводчиком.

Трактовка этого фрагмента китайскими переводчиками наиболее репрезентативно отражает взгляды китайских славистов, что также влияет на понимание китайских читателей, так как переводчики — это те, кто лучше всех иностранных читателей знает произведение и наиболее глубоко обдумывает смысл текста.

В «Слове» до сих пор остаются «темные места», не получившие однозначной интерпретации. Следует признать, что все вышеупомянутые версии, истолковывающие значение выражения «бобрень рукав», по-своему обоснованы. Но в то же время не стоит игнорировать ограниченность этих взглядов. Так, версии о «шелковом рукаве» и «шелковом платке» сами по себе доказывают, что «бобровый рукав» — не единственный возможный вариант. А с сомнениями Н.А. Мещерского в «бобровом» варианте также можно поспорить. Так, возражая на первоначальную версию перевода Д.С. Лихачева,

⁵ См. [Слово 1957: 49] [Слово 1983: 48] [Слово 1991а: 48].

⁶ См. [Слово 2000: 46] [Слово 2017: 51].

⁷ См. [Слово 1952: 284].

Н.А. Мещерский пишет: «Не лучше ли будет в этом контексте “бебрянь рукавь” понимать как рукав из шелковой, белоснежной ткани, вполне подходящей для летней одежды княгини» [Мещерский 1956: 6]. Однако, по данным климатологии, Русь конца XII — начала XIII вв. как раз находилась в переходе от климатического оптимума к малому ледниковому периоду. Климатологи обращают внимание на летописные свидетельства: «В 1163 г. снова осенью ударили сильные морозы, а зимой, напротив, отмечались дожди с громом и молниями. Зимой 1177 г. лед на реках появился только в феврале. Мягкие зимы во второй половине XII в. чередуются с чрезвычайно холодными, например, 1165 и 1168 гг. Особенно была «зима зла велми» в 1187 г. Таких морозов, какие стояли тогда, прежде на Руси не бывало. В это время вспыхнула эпидемия. В каждом доме были больные. Нередко некому было “воды подати”» [Борисенков, Пасецкий 1983: 80]. Учитывая климатические условия, весной и в начале лета на утренней заре тонкий и легкий шелк мог и не удовлетворять потребности в сохранении тепла.

Однако, с точки зрения художественной выразительности то, чем именно Ярославна утерла бы раны своего мужа, вряд ли имеет определяющее значение для изображения женской грусти и выражения горя Русской земли. Так, когда речь идет о трактовке этого фрагмента «Слова» в китайской славистике, пока не наблюдается отдельных научных трудов, посвященных данному конкретному лексическому выражению. Во всех китайских исследованиях рассматриваются сам образ Ярославны и особенности культуры Древней Руси. В трех из пяти работ плач Ярославны сопоставляется с известной китайской легендой о плаче Мэн Цзян Нюй у Великой стены⁸.

⁸ Молодая жена Мэн Цзян Нюй долго ждала своего мужа, который отправился строить Великую китайскую стену. Но муж всё не возвращался. Не дождавшись его, Мэн Цзян Нюй пришла к месту строительства стены и узнала, что ее муж уже умер от непосильной работы. На найдя даже кости умершего мужа, Мэн Цзян Нюй оставалась

В этих исследованиях китайские русисты в основном сосредотачиваются как на сходствах между образами Ярославны и Мэн Цзян Нюй, на добром, нежном и любвеобильном характере героинь, так и на разнице в культурах древней Руси и древнего Китая⁹. В подобных более макроскопических аспектах та деталь, в какой форме и из какого материала изготовлен «рукавь» русской героини, уже оказывается менее важной.

В то же время ограниченность версий не лишает этих исследований культурного значения. Герменевтические интерпретации «бебряна рукава» имеют «инструментальное значение» для исторического изучения. С помощью разносторонних исследований постепенно складывается более полная и осязаемая картина социально-культурной жизни Древней Руси XII в., когда было составлено «Слово». Отечественные ученые видят в словосочетании уже не литературный смысл, а те культурные феномены, которые могут за ним скрываться. Иными словами, это выражение важно исследователям именно его неисчерпаемой загадочностью.

Таким образом, вопрос о значении словосочетания «бебрянь рукавь», как мы видим, не только до сих пор остается дискуссионным в русистике, но и выходит в последнее время на междисциплинарный уровень. Сопоставление имеющихся вариаций трактовок этого фрагмента «Слова» тем интереснее, что не только открывает перед исследователями возможность проследить за изменениями научной картины мира, но также позволяет заметить, что художественный перевод, хотя и опирается на научные данные, отстает от них.

у стены, проливая слезы день и ночь. Проплавав десять дней и десять ночей, она услышала грохот, почувствовала, как земля задрожала, увидела, как песок и камни разлетелись: Великая стена обрушилась, кости мужа героини обнаружили под камнями.

⁹ См. [明羽 (Мин Юй) 1999]; [马玲 (Ма Лин) 2011]; [潘虹 (Пань Хун) 2014].

Литература

1. Захаржевская Р.В. История костюма: От античности до современности. 3-е изд., доп. Москва : РИПОЛ классик, 2006. 287 с.
2. История культуры Древней Руси — История культуры Древней Руси. В 2 томах / под общей редакцией Б.Д. Грекова и М.И. Артамонова. Т. 1. Домонгольский период: Материальная культура / под редакцией Н.Н. Воронина [и др.]. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1951. 484 с.
3. Комиссаржевский Ф. История костюма: Уникальные материалы по истории костюма с древнейших времен. Москва : Астрель; АСТ; Люкс, 2005. 335 с.
4. Лемешкин И.В. *Бебрянь vs. *верчень/*берчать рукавь // Труды Отдела древнерусской литературы. 2017. Т. 65. С. 43–61.
5. Мешерский Н.А. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Учёные записки ЛГУ. № 198. Серия филологических наук. 1956. Вып. 24. С. 3–9.
6. Мешерский Н.А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 43–48.
7. Пичхадзе А.А. Лексические особенности памятника и вопрос о локализации перевода // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия : древнерусский перевод. В 2 томах. Т. 1 / А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Москва : Языки славянской культуры, 2004. С. 26–39.
8. Слово 1915 — The Tale of the Armament of Igor [Слово о полку Игореве] / редактор и автор перевода Л.А. Магнус. [L.A. Magnus]. Лондон [London] и др. 1915. 123 с. (На англ. яз.)
9. Слово 1950 — Слово о полку Игореве / под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. 481 с.
10. Слово 1952 — Слово о полку Игореве / вступительная статья Л.А. Дмитриева и В.Л. Виногодовой ; подготовка текста и комментарий Л.А. Дмитриева. Ленинград : Советский писатель, 1952. 308 с.
11. Слово 1954 — Слово о полку Игореве / вступительная статья «Золотое слово русской литературы», редактор текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примечание Д.С. Лихачева. 2-е изд., доп. Москва ; Ленинград : Детгиз, 1954. 231 с.
12. Слово 1961 — Слово о полку Игореве / вступительная статья «Золотое слово русской литературы», редактор текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примечание Д.С. Лихачева 2-е изд., доп. Москва ; Ленинград : Детгиз, 1961. 229 с.
13. Слово онлайн — «Слово о полку Игореве»: Параллельный корпус переводов. Электронный инструмент сравнительного изучения текстов. URL: <http://nevmenandr.net/slovo/> (дата обращения: 24.09.23).
14. Соколова Л.В. Каким «рукавом» утирала Ярославна кровавые раны Игоря (к вопросу о поэтике «Слова о полку Игореве») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 7–37.
15. Шарлемань Н.В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 6. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 111–124.
16. Шарлемань Н.В. Природа и люди Киевской Руси: Воспоминания: Автобиографии: Переписка. Киев : ВД «Простір», 2014. 1136 с.
17. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Ленинград : Гидрометеиздат, 1983. 240 с.
18. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 《伊戈尔远征记》在中国 [«Слово о полку Игореве» в Китае] // 外国文学研究 [Исследования иностранной литературы]. 1985. № 4. С. 14–21. (На кит. яз.)
19. 马玲 [Ма Лин]. 由孟姜女与雅罗斯拉夫娜的哭的比较透视中俄文化 [Различие китайской и русской культуры через сопоставления плачей Мэн Цзян Нюй и Ярославны] // 安徽文学 [Аньхойская литература]. 2011. № 10. С. 72–73. (На кит. яз.)
20. 明羽 [Мин Юй]. 孟姜女与雅罗斯拉夫娜的“哭夫” [Плачи Мэн Цзян Нюй и Ярославны] // 理论与创作 [Теория и творчество]. 1999. № 2. С. 42. (На кит. яз.)
21. Плач Ярославны — Ярославна плачет [Плач Ярославны]. Перев. 刘文飞 [Лю Вэньфэй] // 刘文飞 [Лю Вэньфэй], 陈方 [Чэнь Фан]. 俄国文学大花园 [Большой сад русской литературы]. 武汉 [Ухань]: 湖北教育出版社 [Хубэйское образовательное издательство]. 2007. С. 8. (На кит. яз.)

22. 俄国史诗. 义葛出征记 [Русский эпос. Слово о полку Игореве]. Перев. 默无 [Мо У] // 红豆漫刊. 世界史诗专号 [Журнал Хундоу. Специальный номер «Исторические эпосы мира»]. 1934. Т. II, № 3 (1934). С. 47–48. (На кит. яз.)
23. 潘虹 [Пань Хун]. 中俄文学史上的“千古一哭”——孟姜女与雅罗斯拉夫娜哭泣的比较研究 [Вечные плачи в истории китайской и русской литературы — сравнительное исследование плачей Мэн Цзян Нюй и Ярославны]: дисс. ... маг-та филол. наук. Аньхой. 2014. 49 с. (На кит. яз.)
24. Слово 1957 — 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве] / пер. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство]. 1957. 66 с. (На кит. яз.)
25. Слово 1983 — 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 1983. 67 с. (На кит. яз.)
26. Слово 1991a — 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 1991. 67 с. (На кит. яз.)
27. Слово 1991b — 伊戈尔出征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с древнерус. 李锡胤 [Ли Сиинь]. 哈尔滨 [Харбин]: 黑龙江大学辞书研究所 [Институт лексикографии Хэйлунцзянского университета], 1991. 152 с. (На кит. яз.)
28. Слово 2000 — 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 2000. 87 с. (На кит. яз.)
29. Слово 2017 — 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. В сб.: 魏荒弩译伊戈尔远征记. 涅克拉索夫诗选 [Переводы Вэй Хуанну. Слово о полку Игореве. Стихотворения Некрасова]. 魏荒弩 译 [Вэй Хуанну (перев.)]. [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 2017. С. 1–83. (На кит. яз.)

«*Bebryan Sleeve*» from «*The Tale of Igor’s Campaign*» in Russian and Chinese Slavic Studies

Anna V. Arkhangelskaia,
PhD in Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
E-mail: arhanna@mail.ru;

Li Ziwei,
Postgraduate student
Lomonosov Moscow State University
E-mail: zwli1563107653@outlook.com

The phrase “bebryan sleeve” remains one of the most confusing expressions in «The Tale of Igor’s Campaign». Researchers propose new interpretations about it from time to time. This article aims to overview various explanations of this expression according to the rationality and validity of each view. The main research materials of this paper are various essays in Russian and Chinese slavic studies and translations of «The Tale of Igor’s Campaign» into both languages. In addition, the authors also analyze the limitations of the various hypotheses and indicate the ambiguity of “bebryan sleeve”. Subsequently, the importance of hermeneutic research into this phrase for the literary and historical-cultural study are systematically assessed.

Key words: bebryan sleeve, «The Tale of Igor’s Campaign», Yaroslavna’s lament, hermeneutical research, translation.

DOI: 10.18572/2687-0339-2024-1-26-29

Метафорика ужасного в современном русском хорроре (на материале произведений А. Варго)

Алина Гайсаевна Мендагалиева,

аспирант

Астраханский государственный университет

E-mail: alin.van2017@yandex.ru

В статье подвергается анализу метафорический уровень жанровой репрезентации литературы ужасов, относящейся к сегменту популярной массовой литературы. Делается вывод, что наиболее частотными семантическими группами метафор являются инфернальные и анималистические. Важную роль в создании атмосферы ужасного играют также метафоры, описывающие различные физические ощущения, сопровождающие эмоцию страха. Ряд метафорических образов сигнализирует об опасности, скрытой (*болото*) или явной (*оружие*). Утверждается, что метафоры играют определяющую роль в создании эмоциональной атмосферы ужаса.

Ключевые слова: массовая литература, хоррор, А. Варго, метафора.

Популярность массовой литературы порождает потребность в её научном осмыслении. В частности, актуальным представляется исследование особенностей стилистики и поэтики отдельных массовых жанров, во многом определяющих их специфику. Жанрообразующая функция стилистических приёмов наиболее отчётливо реализуется в литературе ужасов, иначе говоря, в литературе жанра «хоррор».

Действительно, литературу ужасов в современной поп-культуре под влиянием названия известного киножанра часто определяют как хоррор, видимо, из-за лаконичности термина и принадлежности литературного и кинематографического жанров к общему пространству массовой культуры [Назарова, Кудинова 2016; Соловьёва, Собинова 2018; Куликова 2021]. Хоррор в литературе отличается довольно расплывчатыми жанровыми границами и часто существует в слиянии с другими жанрами. Так, элементы хоррора могут присутствовать в триллере, фэнтези, научной фантастике, рождественской прозе и т. д. Специфической чертой хоррора следует считать создание особой атмосферы саспенса — эмоционального напряжения, сопровождающегося эмоциями страха, тревоги, отвращения. Важная эмотивная функция принадлежит метафорам, образующим соответствующий ассоциативный уровень нарратива и усиливающим эмоциональное воздействие текста.

Рассмотрим метафорический уровень жанровой репрезентации хоррора на примере произведений группы российских писателей, работающих под общим псевдонимом «Александр Варго». Данный литературный проект может послужить примером адаптации жанра хоррора к российским реалиям и предположениям отечественного массового читателя.

В ходе исследования метафорика ужасного мы рассматриваем как метафоры, так и сравнения, исходя из представления о сравнении как базовом этапе формирования метафоры [Gentner 2010: 762; Нагорная 2019: 40]. Образные сравнения, как отмечает А.В. Нагорная, относятся «к числу наиболее эффективных и популярных средств описания как окружающей действительности, так и внутреннего (телесного и духовного) мира человека» [Нагорная 2019: 36].

Метафоры и сравнения в художественном тексте хоррора выполняют ряд взаимосвязанных функций. В частности, они создают дополнительный образный слой, который усиливает атмосферу тревоги, страха, напряжённого ожидания. Благодаря образным приёмам осуществляется воздействие на разные органы чувств, актуализируется зрительное, слуховое, тактильное, обонятельное восприятие.

Распространённой является инфернальная семантика метафор и сравнений. Так, например, обычная дорога в российской глубинке вызывает ассоциации с раскалённой

сковородкой и змеёй, которые на подсознательном уровне связываются с адом: «Нагретое до состояния *раскалённой сковородки* шоссе в полуденном мареве размеренно скользило вперёд, извиваясь светло-серой лентой, и Андрей почему-то подумал об *огромной змее*, которая лениво ползёт по своим змеиным делам» [Варго 2017: 6]. Возникшие ассоциации подтверждаются в дальнейшем, когда дорога-«змея» называется «плавающей от пекла».

В метафорике страха значительное место занимают потусторонние образы, поскольку ощущение ужаса самым тесным образом связано с представлениями о смерти и проникновении мёртвого в мир живых. Например, образ ожившего мертвеца появляется при встрече с реальным маньяком: «Застывшая улыбка, бледная кожа, покрытая засохшими каплями фальшивой крови, тёмные тени на глазах делали его похожим на *ожившего мертвеца*, который минуту назад выполз из преисподней» [Варго 2019а: 70]. Подобные ассоциации возникают в самых разных обыденных ситуациях: «Наталья засмеялась дребезжащим смехом, и он непроизвольно подумал о гремящих *костях в гробу*» [Варго 2018: 41]; «Рана на запястье напоминала кошмарную улыбку *вампира*» [Варго 2008].

Зло в душе человека получает метафорическую репрезентацию как в inferнальных, так и в анималистических образах, которые могут существовать в одном контексте: «... за детскими глазами, за обычными детскими глазами с белками, зрачками, радужными оболочками и прочими анатомическими деталями бушевал самый настоящий *ад*. Слово какая-то *злая тварь* затаилась внутри оболочки тринадцатилетнего мальчишки, с исступлённой яростью глядя через его глазницы» [Варго 2018а: 183]. В этом примере связь с адом означает расчеловечивание, подчеркнутое сравнением с животным.

Анималистические образы часто употребляются, когда психологические переживания получают материальное воплощение. Например, в душе одного из персонажей вызванное любопытством желание проникнуть в дом подозрительного старика вступает в противоборство с угрызениями совести и страхом. Этот комплекс психологических ощущений объективируется в образе зверька: «...где-то глубоко внутри всю азартно царапался *маленький зверёк*, настойчиво и азартно

нашёптывая...», «*безликий зверёк*, уговаривающий юношу согласиться на сомнительную аферу, зашёл в ликующе-восторженном визге» [Варго 2017: 19]. В приведённом примере зверёк представляет внутренний голос, спорящий с голосом совести. Но встречается и отождествление самой совести со зверьком. В рассказе А. Варго «Зефир в шоколаде» используется аллегория «совесть—зверёк, терзающий героя изнутри»: «*Зверёк*, неприятно скребущийся в груди, снова дал о себе знать. Что это, отголоски совести?» [Варго 2016: 23]; «*Странный зверёк*, поселившийся у него внутри, неожиданно снова закопошился» [Варго 2016: 25]; «Вскоре они въехали в дачный посёлок, и он немного расслабился. *Зверёк* тоже замолчал, понимая, что эта партия им проиграна. А когда Рома увидел припаркованные возле его дома несколько машин, знакомых ребят с девчонками <...>, *зверёк* скрылся в норке. Тихо и незаметно» [Варго 2016: 26]; «Проснувшийся *зверёк* уже яростно верещал внутри, обсыпая Рому всевозможными обвинениями» [Варго 2016: 50]. Метафора скребущего и визжащего зверька объединяет в себе семантику живого существа, олицетворяющего некий внутренний голос, и семантику неприятных физических ощущений.

Страх, тревога, паника могут восприниматься как живое существо. В данной метафорической модели страх уподобляется неприятным животным, у многих людей вызывающим отвращение — рептилиям, летучим мышам, морским гадам: «Светлана ощутила, как пупырчатые *щупальца* страха медленно поползли по её стремительно мёрзнущему телу» [Варго 2019а: 65]; «...колючие *клешни* страха вцепились ей в загривок, медленно приподнимая над полом» [Варго 2018а: 83]; «Тревога, стремительно растущая где-то глубоко внутри, окончательно проснулась и теперь верещала, распуская свои когтистые, как у рептилии, *лапы*» [Варго 2019а: 111]; «...клокочущая паника уже распустила свои кожистые *крылья* и теперь отчаянно торопилась наружу, в лоскутья раздирая внутренности» [Варго 2019: 351].

Для создания напряжения широко используется олицетворение. Неодушевлённые предметы наделяются свойствами живых существ, и это вызывает страх. Например, объятый пожаром дом сравнивается с умирающим человеком: «Дом умирал, корчась и стеноя в предсмертных судорогах,

равно как и умирала страшная тайна, хранившаяся долгие годы в его старых стенах» [Варго 2017: 122].

Особенно часто используется мотив взгляда. Неживые предметы словно наблюдают за героями. Например: «Слепящие фары в вечернем тумане были похожи на глаза громадного хищника» [Варго 2019: 291]. Дом, наблюдающий за человеком, вызывает чувства любопытства и тревоги: «Массивная, покосившаяся изба, просевшая в землю от времени, казалось, исподтишка наблюдала за ними сонными глазами-окошками» [Варго 2017: 25]; «Обветшалая трёхэтажка сонно пялилась на него мёртвыми окнами-глазницами» [Варго 2018: 58]. Такое же ощущение у одного из персонажей пробуждает манекен: «У него почему-то возникло ощущение, что искусственные глаза чучела подсматривают за ним даже сквозь засаленный плед» [Варго 2017: 29]. Воображение позволяет представить манекен живым. Мотив ожившей куклы, преследующей живого человека, восходит к мотиву ожившего мертвеца.

При метафорическом описании страха в прозе А. Варго часто осуществляется апелляция к тактильным, осязательным образам, различным кинестетическим ощущениям. Страх уподобляется липкой плёнке, облепившей тело [Варго 2017: 51]. Животный страх «расползлся по жилам густой *патокой*» [Варго 2019: 53]. Клейкий характер страха передаётся и анималистической метафорой: «...*клеящие щупальца* паники вновь опутывают его с ног до головы» [Варго 2019: 29]. Эти метафоры актуализируют такие свойства страха, как тягучесть, липкость, подчёркивают, как трудно от него избавиться. Физическое ощущение сдавливания также может воплотиться в образе, описывающем страх: «Страх неожиданно захлестнул её плотными кольцами, сдавливая всё сильнее и сильнее, вроде *стального обруча*» [Варго 2017: 110].

Холод, лёд часто ассоциируются со страхом: «Коля с нарастающим ужасом почувствовал, как чьи-то костлявые *ледяные* пальцы сдавливают его сердце» [Варго 2017: 47]; «...по спине девушки заскользили *ледяные* ручейки» [Варго 2017: 49]; «Паника захлестывала, как неумолимо *ледяные* волны, раз за разом накрывавшие его с головой» [Варго 2019: 305]. Ощущение холода, сопутствующее эмоции страха, может передаваться с помощью

оксюморона: «...его спину будто бы *обожгло* мёртвым *холодом*» [Варго 2018: 43] или контраста: «Васю передёрнуло, будто он стоял под *жарким летним солнцем*, и вдруг по спине прошёлся когтями *ледяной ветер* январской Арктики» [Варго 2016: 134]. Как отмечают В.Ю. Апресян и Ю.Д. Апресян, метафора холода является базовой в описании страха, поскольку «реакция души на страх сходна с реакцией тела на холод» [Апресян 1993: 31].

Чувство страха передается сопоставлением с физическим ощущением боли, которое может сочетаться с ощущением жара или холода: «Алексей отшатнулся, словно ему предложили на спор искупаться в *кипятке*» [Варго 2017: 26]; «Рома... почувствовал, как рядом с сердцем кольнула *холодная спица*» [Варго 2016: 44]; «*Леденящий* страх колючей проволокой оплетает её сердце» [Варго 2018а: 169].

Сравнение с болотом указывает на скрытую опасность, угрожающую героям: «Речь Артура текла неторопливо, тягуче и лениво, словно *вязкая болотная жижа*, отравленная ядовитыми газами» [Варго 2019: 312]. Появление сравнения с болотом в жанре хоррора не случайно. В «Исследовании ужаса» Л. Липавского именно болото становится устойчивым образом ужаса, вызывающим отвращение и вместе с тем завораживающим [Липавский 2005: 34].

Метафоры с семантикой оружия создают яркий зрительный или акустический образ, подчёркивающий явную опасность: «На востоке отчётливо прогрехотал первый раскат грома, сухо и хлётко, как отрывистая *пулемётная очередь*» [Варго 2019: 5]; «Тёмные глаза уловника на мгновение вспыхнули уже знакомым Наталье блеском. Нехорошим блеском. Так хищно блестят зазубренные *острия “розочки”*, которая через секунду готова погрузиться в горло обидчика» [Варго 2018: 42]; «ослепляющая молния *кинжалом* рассклала небо надвое» [Варго 2018а: 6].

Таким образом, метафорический уровень репрезентации художественного мира хоррора является определяющим в создании эмоциональной атмосферы, характерной для этого жанра. Наибольшей частотностью отличаются метафоры и сравнения inferнальной и анималистической семантики. Из ста метафор, выявленных в рассматриваемых текстах методом сплошной выборки, анималистических тропов было обнаружено 29,

а метафор инфернальной семантики — 15. Остальные семантические группы (метафоры холода, жара, оружия и др.) представлены в меньшем количестве. Олицетворения широко используются для передачи вызывающей ужас проницаемости границ между живым и неживым, одного из ключевых мотивов в жанре хоррора. Репрезентация

страха часто опирается на образную передачу телесных реакций, метафорически представленных ощущениями холода, жара, сдавливания и т. д. Ситуация явной опасности раскрывается с помощью метафор с семантикой оружия, а скрытая опасность представлена образами болота, трясины, чего-то липкого и вязкого.

Литература

1. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.
2. Варго А. Приют. Москва : Эксмо, 2008. 352 с.
3. Варго А. Не та дверь : сборник / А. Варго, М. Киоса. Москва : Эксмо, 2016. 448 с.
4. Варго А. Попутчица. Москва : Эксмо, 2017. 352 с.
5. Варго А. Прах. Москва : Эксмо, 2018. 352 с.
6. Варго А. Проводник. Москва : Эксмо, 2018а. 256 с.
7. Варго А. Дитя подвала. Москва : Эксмо, 2019. 384 с.
8. Варго А. Плохая шутка / А. Варго, И. Миронов. Москва : Эксмо, 2019а. 416 с.
9. Куликова Д.Л. Мифопоэтика пространства кладбища в хорроре (на материале современной русской литературы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. № 3. С. 86–93.
10. Липавский Л. Исследование ужаса. Москва : AdMarginem, 2005. 447 с.
11. Нагорная А.В. Грани и границы лингвокреативности: Языковые эксперименты Стивена Кинга. Москва : Ленанд, 2019. 312 с.
12. Назарова Ю.В., Кудинова Е.Б. Культурные и этические истоки концепта ужаса (на материалах англоязычной литературы в жанре *horror*) // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2016. № 2 (18). С. 29–34.
13. Соловьёва И.В., Собиорова Д.С. Жанр «хоррор» и текстовые средства смысла УЖАСНОЕ // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании : материалы Всероссийской (с международным участием) герменевтической конференции (г. Тверь, 20 октября — 23 декабря 2017 г.) : сборник научных статей. Тверь : Тверской государственный университет, 2018. С. 251–257.
14. Gentner, D. Bootstrapping the Mind: Analogical Processes and Symbol Systems // Cognitive Science. 2010. № 34. P. 752–775.

Metaphors of the Terrible in Contemporary Russian Horror (Based on the Works of A. Vargo)

Alina Mendagalieva,

Post-graduate student

Astrakhan State University

E-mail: alin.van2017@yandex.ru

The article analyzes the metaphorical level of genre representation of horror literature related to the segment of popular literature. It is concluded that the most frequent semantic groups of metaphors are infernal and animalistic. Metaphors describing various physical sensations that accompany the emotion of fear also play an important role in creating an atmosphere of horror. A number of metaphorical images signal danger, hidden (*swamp*) or obvious (*weapon*). It is shown that metaphors play a decisive role in creating an emotional atmosphere of horror.

Key words: popular literature, horror, A. Vargo, metaphor.

Типы полисемии как средство семантизации в практике преподавания РКИ

Елена Борисовна Демидова,

кандидат филологических наук, доцент,

Московский педагогический государственный университет

E-mail: lena2707@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования словообразовательного компонента коммуникативной компетенции иностранных обучающихся, указывается на необходимость регулярной работы с иностранными студентами-филологами по активизации навыков определения производящего для того или иного производного слова. Способность видеть производность слова, понимание связи системы значений производного и производящего даёт учащимся возможность самостоятельно определять неизвестные ранее значения полисемантического производного слова, не прибегая при этом к традиционному механическому заучиванию.

Ключевые слова: словообразование, производное слово, производящее слово, многозначность, иностранные обучающиеся.

Проблема освоения словаря была и остаётся важнейшей в практике преподавания русского языка как иностранного. При этом потенциал словообразования как одного из эффективных средств семантизации по-прежнему недооценивается. «Вопрос о преподавании русского словообразования в практике обучения языку, в частности РКИ, стоит в настоящее время очень остро. Существующие стабильные учебники и программы вызывают справедливые нарекания преподавателей и методистов. В этих условиях особую важность приобретает разработка новых подходов и методик преподавания, опирающихся на современное научное понимание системы русского языка и её основных единиц» [Кулакова 2007: 326]. «В настоящее время целостного описания богатых пластов производной лексики в аспекте преподавания РКИ с учётом коммуникативных потребностей иностранных учащихся не существует. Это объясняется недостаточной разработанностью словообразовательного аспекта на занятиях по РКИ, незначительным вниманием к словообразованию в целом в практике преподавания русского языка как иностранного» [Красильникова 2011: 11].

Словообразование имеет тесную связь с лексикой, и его богатый потенциал может и должен быть использован при изуче-

нии значений новых слов как эффективный способ семантизации многозначных производных слов на занятиях по русскому языку как иностранному.

До настоящего времени не существует единого взгляда на русскую лексику с точки зрения преобладания полисемантических или моносемантических единиц. Так, в работе Н.П. Савельевой «К вопросу о лексической многозначности и однозначности» делается вывод, что «по законам словарей, как среди исконно-русской лексики, так и среди иноязычной, как среди общеупотребительной, так и среди специальной лексики преобладают однозначные слова» [Савельева 1966: 159]. «Лексическая полисемия — органическое свойство всех языков, на всех этапах их функционирования. Однако самый характер или тип полисемии обычно бывает различным в зависимости от общего уровня развития языка, от его общей культуры, от особенностей его письменной традиции (старой или молодой, однообразной или многообразной по жанрам) и ряда других условий. По характеру той или иной полисемии можно судить о степени развития языка, об уровне его выразительных (в самом широком смысле) возможностей» [Будагов 2004: 49]. Опираясь на толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Р.А. Будагов утверждает, что каждое второе

слово многозначно. При этом отмечается, что количество производных единиц среди многозначных слов весьма значительно, особенно это касается префиксальных глаголов. То есть иностранным обучающимся при освоении многозначных лексических единиц приходится в значительной мере иметь дело именно со словами производными. Следовательно, важно найти определённые механизмы семантизации, позволяющие отойти от приёмов механического заучивания.

«Словообразование, подобно грамматике, участвует самым непосредственным образом в создании объёмных классов слов, объединённых по определённому признаку, и в выражении этими словами определённых обобщённых значений» [Кубрякова 1988: 150]. Согласно этому, при работе с иностранными обучающимися раннее системное предъявление языкового материала, хотя бы и в обобщённом виде, весьма целесообразно.

«Производные слова представляют собой в достаточно высокой степени организованную часть русской лексики: они входят в словообразовательные пары, на базе которых, с одной стороны, формируются словообразовательные модели и словообразовательные типы, а с другой — словообразовательные цепочки и словообразовательные парадигмы, составляющие словообразовательные гнезда. Подобное представление лексического материала помогает запоминанию большего числа лексических единиц, так как известно, что человеческая память лучше усваивает не отдельные элементы, а системно организованные, связанные между собой» [Красильникова 2011: 214]. Поэтому при изучении русского языка как иностранного необходимо уже на начальных этапах заложить общую ориентировочную основу дальнейшего обучения: понимание основных закономерностей лексической и грамматической системы, осознанное их изучение и усвоение. «На занятиях с иностранными учащимися 3 и 4 уровней идёт ... работа по обобщению и систематизации словообразовательного материала» [Красильникова 2011: 65]. Это особенно необходимо для продуктивного усвоения *многозначной* лексики на базе осмысления такого явления, как *полисемия* [Касимова 2011, Мусатов 2013, Улуханов 1977, Ширшов 1996 и др.].

Ещё Ш. Балли указал на связь, между словообразовательной структурой производного слова и его многозначностью: «...простой знак может получать многочисленные значения, которые носят вначале случайный характер, часто становятся затем общеупотребительными, в то время как мотивированный знак уже в силу одной своей сложности лишён возможности представлять много значений» [Балли 1955: 374]. На самом деле простые по структуре слова имеют более высокий потенциал семантического развития, приобретения новых значений, и, наоборот, слова с более сложным морфемным членением инертны в своём полисемантическом движении.

Как доказывают многочисленные исследования, семантическая структура производных слов различается в зависимости от ступеней производности, на которых они находятся. Чаще всего производные первой ступени словообразования обладают достаточно развитой внутрислововой лексико-семантической парадигмой. Они включают в систему своих значений большее их число, чем производные единицы не первых ступеней деривации, являющиеся завершающими или конечными звеньями в разветвлённых словообразовательных цепях и гнездах.

Полисемантические процессы в системе производных слов русского языка могут быть продемонстрированы иностранным обучающимся на примере наиболее иллюстративной в данном аспекте части речи — глагола. Глагол, как известно, отражает действия, процессы, психические состояния и чувства человека, то есть, в отличие от существительных, несубстанциональные элементы действительности.

Именно размытость референтной зоны глагола определяет преобладание сигнификата в его семантике. Область же референции имени ясно обозначается границами денотативного ряда, который с ним соотносится.

При изменении именем идентифицирующего типа значения и получении им оценочного или предикативного типа значения наблюдается лексическая транспозиция, связанная с меной «типового» статуса слова. Общий же предикатный тип лексического значения глагола не изменяется и при каких-либо семантических модификациях.

Разветвлённая структура глагольной семантики объясняется этими особенностями его значения. Глаголы более ёмки

семантически, что отражается на словообразовательных связях глагола с другими частями речи, а также на внутриглагольном словообразовании. Производные глаголы воспроизводят многозначность производящих слов более отчётливо, чем производные имена существительные.

Можно выделить следующие основные типы соотносительности значений производящих и их производных:

1. Только часть значений производного связана с его производящим:

а) производящее слово обладает большим количеством значений, чем его производное, то есть система значений производного беднее чем у производящего;

б) в производном появляются новые значения, отсутствующие в производящем; производящее слово имеет меньшее число значений, чем его производное.

2. Значения производного и производящего не совпадают, хотя производное слово осваивает все значения производящего; эти значения не имеют тождества, поскольку обладают разными «классифицирующими значениями» [Тихонов 1978: 300].

3. Производное и производящее слова могут быть тождественны в своих лексических значениях: все лексические значения производящих и производных совпадают. При этом у них дублируются и классифицирующие значения. К данному типу можно отнести видовые и залоговые корреляты.

Регулярность этих типов соотносительности значений производных и производящих может быть различной и зависеть как от лингвистических, так и от неязыковых факторов, от их взаимного влияния.

Внутриглагольная лексико-семантическая парадигма производного слова включает разные типы лексических значений с разными видами отношений между ними. Семантика группы глагольных производных или всех производных может мотивироваться одним и тем же лексическим значением производящего. В то же время разные производные глаголы могут соотноситься и с различными значениями исходного слова. С рядом подобных процессов представляется обоснованным познакомить иностранных обучающихся. Цель — восприятие ими словообразовательных процессов в языке как системных, то есть поддающихся логическому осмыслению. Это даёт возмож-

ность отхода от практики механического заучивания значений производных слов.

Последовательность лексических значений производящего глагола обычно отражается в последовательности значений производного. Такой тип многозначности получил название *отражённой* полисемии [Ширшов 1996; Мусатов 2013]. При этом, если значения в производном глаголе возникли на основе метафорических значений его производящего, они квалифицируются как метафорически мотивированные. Отражённые лексические значения многозначных производных слов, которые представляют собой метонимические и метафорические переносы значений производящего глагола, сохраняют статус переносного значения и в семантической структуре префиксальных глаголов. При этом метафорические значения гораздо чаще, чем метонимические, передаются по словообразовательной цепи. Например:

«*Отдать*, сов., 1. Кого, что. Дать (в 1 знач.) обратно, возвратить. *Отдать долг*. 5. Кого, что. Дать (в 3 знач.). Предоставить. *Отдать коллекцию в музей*. (ср. знач. *дать* № 3 что. Предоставить. *Дать работу*» [Ширшов 2004: 257].

«*Надавать*, сов., что и чего кому. 1. Дать (в 1, 8, 9 знач.) много или в несколько приёмов. *Надавать цветов. Надавать советов. Надавать тумаков*» [Ширшов 2004: 256] (ср. знач. *дать* № 9 *нанести удар. Дать оплеуху*).

Такие наблюдения рекомендуется проводить на базе Толкового словообразовательного словаря русского языка, составленного И.А. Ширшовым, вышедшего в свет в 2004 году. Основным достоинством словаря следует считать то, что значение нового слова всегда даётся со ссылкой на его производящее. Автор также ставит перед собой задачу сохранения связей между словами там, где это возможно, а не нарушения этих связей и разведения лексем по разным гнёздам. Образцы отражённой глагольной полисемии могут быть представлены иностранным учащимся на следующих примерах:

«*Задать*, сов. 1. Что и чего. Дать (в 1 знач.) корм. *Задать овса лошадям*. 3. Что (разг.) *дать* (в 6 знач.), устроить. *Задать пир*» [Ширшов 2004: 256].

Учащимся предлагаются *языковые* словообразовательно-ориентированные

упражнения и задания, нацеленные на понимание процесса «отражения» значения или системы значений производящего слова в производном деривате, например:

сравнить значение выделенного глагола со значением № 6 глагола *дать* в сочетании с существительными *обед*, *завтрак*, *бал* и т. п. *Устроить*, *осуществить*, *пригласив кого-либо*. *Дать обед*.

Или:

«*Одарить*, сов., кого (что) чем 1. Наградить дарами (в 1 знач.), подарками. *Одарить посла*. 2. Перех. Наделить даром (во 2 знач.), талантом. *Природа щедро одарила его*» [Ширшов 2004: 257].

Учащиеся сравнивают значение № 2 данного глагола со значением глагола *дать* № 3 «то есть *даровать*» и приходят к выводу об их сходстве.

Далее можно рассмотреть и постфиксальные глагольные производные, например:

«*Задаться*, сов. 1. Чем. Поставить перед собой цель, задав (во 2 знач.) себе для разрешения. *Задаться целью изучить языки*. 2. разг. Выдаться, удаться. *Дело ему не задаться*» [Ширшов 2004: 257].

Преподавателю следует обратить внимание учащихся на сходство значения № 1 указанного глагола со значением глагола «*задать*» № 2 что кому. *Дать* (в 3 знач.) для исполнения, поручить. *Задать урок*» [Ширшов 2004: 256]; а также значения № 2 со значением глагола *задать* № 4 «причинить, сделать что-либо неприятное» [Ширшов 2004: 256].

Основной целью языковых словообразовательно-ориентированных заданий является ознакомление учащихся с явлением отражённой полисемии в производной лексике, наблюдение системности проявления данного процесса. Работая над указанным словообразовательным материалом, иностранные учащиеся-филологи могут пополнить собственный словарный запас новыми многозначными лексемами.

При систематическом характере подобной работы иностранный обучающийся получает представление о системном характере лексики русского языка, о тех связях и взаимоотношениях, которые существуют в ней.

Наблюдения подобного рода позволяют студенту понять сам механизм развития семантики многозначного слова, что в *систе-*

ме значений нового производного могут сохраняться (отражаться) и уже известные ему значения производящего.

Е.С. Кубрякова считает, что «...отглагольное имя, будучи полимотивированным, оказывается в той же самой мере многозначным, хранящим потенциальные грамматические способности исходного глагола в латентном состоянии» [Кубрякова 1981: 154]. Пользуясь Толковым словообразовательным словарём русского языка, учащиеся самостоятельно могут отметить параллелизм значений производного отглагольного существительного и производящего глагола:

«*Подача*, -и, ж. Действие по глаголу *подать* (в 3, 5, 6, 7, 8 знач.). *Подача нефти*. *Подача жалобы*. *Подача мяча*. *Подача милостыни*. *Подача реплики*» [Ширшов 2004: 258].

Или в таком примере как:

«*Дарование*, -я, Ср. 1. устар. Действие по глаголу *даровать* (в 1 знач.). *Молитва о даровании победы*. 2. То, что даровано (во 2 знач.) Способность, талант. *Музыкальное дарование*» [Ширшов 2004: 255].

Языковые словообразовательно-ориентированные упражнения могут быть дополнены (на следующем этапе освоения) *условно-речевыми упражнениями*, целью которых является формирование навыков и умений пользования данным языковым материалом, освоение словообразовательного материала на синтаксической основе. Например:

Пользуясь Толковым словообразовательным словарём русского языка, найдите в следующих предложениях отглагольные производные имена существительные. Соотнесите их значение со значением производящего слова. Уточните по контексту, имеют ли они значение действия или результата действия.

1. Издание книги было осуществлено на деньги автора. 2. Необыкновенное дарование этого музыканта привело в восторг не только слушателей, но и критиков. 3. Сдача конвейера в эксплуатацию запланирована на конец будущего года. 4. Я хочу купить это замечательное подарочное издание для своего друга. 5. Сергей Радонежский молился о даровании победы своему народу над беспощадным врагом. 6. Этот студент трудится с полной отдачей. 7. Купив билет, пассажир заторопился и забыл свою сдачу. 8. Издание этой книги отложено по экономическим соображениям. 9. Старое ружьё давно уже не использовалось из-за сильной отдачи.

Для закрепления понимания значений дериватов и правильного их употребления в конструкциях предложений и связном тексте может быть предложено задание на синонимическую замену, например:

Прочитайте следующие предложения и подберите подходящие по смыслу синонимы к образованным от глагола именам существительным.

1. Лучше не полагаться на удачу, а добиваться всего трудом. 2. Предательство интересов Родины сурово карается законом. 3. Население древней Руси часто вынуждено было платить дань завоевателям. 4. Необыкновенный дар организатора помог ему занять ключевой пост на предприятии. 5. Несмотря на серьёзную травму этот человек не может жить подавляниями, старается зарабатывать самостоятельно.

Синтагматика глагольных производных, её огромный потенциал, который обусловлен и категориальным значением, и конкретным лексическим значением, является важнейшим источником семантического развития глагола. Каждое значение слова в данном случае является не связанным с другими его значениями отношениями выводимости. Таким образом, новые значения производных глагольных слов возникают в результате *развитой полисемии*. Это следующий тип полисемии, с основными принципами которой следует познакомить учащихся.

Чаще всего развитие семантической структуры производного глагола происходит в результате *метафорического* и *метонимического* переносов значений. Метафоризация глагольного слова, как правило, происходит в процессе переосмысления признаков, которые имеются в понятии называемого действия признаками того глагольного слова, которое предназначено для повторного наименования на основе аналогии или сходства.

Для приставочных глаголов наиболее типична регулярная модель метафорических переносов: в прямом значении действие направлено на конкретный объект, в переносном значении — на абстрактный, в роли которого выступают объекты творческой, интеллектуальной, психической и социальной деятельности человека, например:

«*Сдать, сов., что* 1. Дать (в 1 знач.) кому-либо взятое ранее, возвратить. *Сдать книгу в библиотеку*. 7. Прекратив сопро-

тивление, отдать неприятелю. *Сдать город*. 8. Выдержать испытания в знании, в умении что-либо делать. *Сдать экзамен*» [Ширшов 2004: 259].

Или: «*Продать, сов., кого, что* 1. Дать (в 1 знач.) в собственность за плату. *Продать товар*. 2. Совершить измену из корыстных побуждений. *Продать своих друзей*» [Ширшов 2004: 259].

Иностранные обучающиеся, как правило, знакомы с понятием метафоры и под руководством преподавателя могут проследить развитие метафорических значений в структуре производного слова. Для наблюдения развитой полисемии учащимся могут быть также предложены постфиксальные глаголы, например:

Пользуясь Толковым словообразовательным словарём русского языка, рассмотрите систему значений производного глагола и определите, какие из них являются переносными, то есть возникли в результате процесса развитой полисемии:

«*Передать, сов.* 1. Дать (в 1 знач.), вручить, сообщить кому-либо. *Передать письмо, передать новость*. 2. Что. Распространить, довести до кого-л. каким-л. способом. *Передать концерт по радио*. 3. Что. Изобразить, воспроизвести. *Передать чувство матери*» [Ширшов 2004: 257]. (Значение №1 глагола *дать* по Толковому словообразовательному словарю: «сов. Кого-что кому. Вручить. *Дать книгу*» [Ширшов 2004: 254]; значение префикса пере- по Русской грамматике-80 «...действие, названное мотивирующим глаголом, направить из одного места в другое через предмет или пространство»).

«*Поддаться, сов.* 1. Кому. Даться (в 1 знач.) кому-л., не оказав сопротивления. *Поддаться партнёру в показательных соревнованиях*. 2. Уступить под чьим-то давлением. *Поддаться на уговоры*» [Ширшов 2004: 258].

«*Предаться, сов.* 1. Кому. Предав (в 1 знач.) себя во власть кому-либо, целиком подчиниться. *Мальчик этот предался мне рабски*. 2. Чему. Всецело погрузиться во что-либо. *Предаться размышлениям*» [Ширшов 2004: 258].

Учащиеся отмечают, что в данном случае действие перемещается из сферы физической в психическую, связанную с чувствами, переживаниями. «Прямое и нередко первичное значение производного слова складывается, как правило, из семантик

производящего и аффикса..., поэтому переносные значения, возникшие на основе первичного соотносительны и с его частями. Соотносительность эта идёт по общему в смысловом содержании производящего и аффикса компоненту, который обычно служит скрепой во взаимодействии глагольного слова и деривационной морфемы в соответствии с законом семантического согласования, действующим на внутрисинтагматическом уровне» [Пугиева 1981: 83].

Условно-речевые упражнения направлены на формирование навыков и умений в определении значений производного слова, возникших в результате процесса развитой полисемии. Это могут быть задания типа:

Подберите производящее слово к префиксальным глаголам. Определите по контексту и сформулируйте значения префиксальных глаголов, соотнесите их с прямым значением № 1 данного глагола: 1. Он поддал ногой грязную, тяжёлую попону, лежавшую у порога (Бунин И.А., Деревня). 2. Я написал трагедию и ею очень доволен, но страшно в свет выдать (Пушкин А.С., Письмо Бестужеву А.А., 30 ноября 1825 г.). 3. Блинов затеял погоню, но ... эскадронные кони быстро сдали (Никитин Н., Это было в Коканде). 4. Моё сильное нервное напряжение передалось жене... (Чехов А.П., Скучная история). 5. Один сын остался и передался русским (Толстой Л.Н., Кавказский пленник).

Замените префиксальные многозначные глаголы в данных предложениях синонимичными словами или сочетаниями слов. Сравните значение глагола в предложении с прямым значением № 1 этого же глагола.

1. Сердце героя Великой Отечественной войны стало *сдавать* под тяжестью лет и лишений. 2. Оставив любимую Родину, великий композитор *предался* тоске и перестал писать свою прекрасную музыку. 3. По радио *передавали* известную на весь мир симфонию. 4. Слова о начале конфликта *обдали* холодом сердца всех равнодушных людей на планете.

На завершающем этапе освоения материала могут быть предложены словообразовательно-ориентированные **коммуникативно-речевые** упражнения и задания, которые направлены на развитие речевой

деятельности учащихся на материале текстов книжных стилей речи, содержащих значительное количество производной глагольной лексики и отглагольных имён существительных. Задания по развитию письменной речи могут представлять собой создание текстов книжного стиля, для которых характерно активное использование производных отглагольных имён существительных, а также сочинений с использованием определённого круга полисемантических производных слов. Проблематика таких текстов определяется изучаемыми на том или ином уровне коммуникативными компетенциями и темами. Это могут быть задания типа:

- *Подготовьте сообщение об истории и сегодняшнем дне вуза, в котором вы учитесь, используя отглагольные существительные со значением действия, процесса.*

- *Подготовьте письменное сообщение для университетской газеты или сайта о своей учёбе в вузе с использованием многозначных приставочных глаголов и отглагольных имён существительных.*

Таким образом, в системе значений производных полисемантических префиксальных глаголов можно видеть два основных типа вторичных значений: 1) отражённых, воспринятых от производящего глагола, и 2) развитых внутри самого производного слова в результате метонимических и метафорических переносов. Различия этих двух типов переносных значений заключается в том, что образованы они в процессе различных механизмов порождения — формально-семантического и семантического.

Способ толкования значений многозначного производного слова через его производящее, через соотношение с его системой значений не только делает понятными значения новой лексики, но и упрощает их запоминание. Данный приём значительно облегчит освоение словаря русского языка иностранцами обучающимися и будет способствовать формированию у них целостного взгляда на изучаемый язык как систему. На занятиях по русскому языку как иностранному следует систематически использовать словообразовательно-ориентированные системы упражнений с целью лучшего освоения словаря современного русского языка.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва : Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.
2. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка?. 2-е изд., доп. Москва : Добросвет-2000, 2004. 304 с.
3. Касимова Г.К. Типы полисемии в структуре лексических значений deverbatивов с суффиксом -к(а) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 163–168.
4. Красильникова Л.В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов: на материале суффиксальных существительных. Москва : МАКС Пресс, 2011. 360 с.
5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. Москва : Наука, 1981. 200 с.
6. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова [и др.]. Москва : Наука, 1988. С. 141–172.
7. Кулакова В.А. «Инвариант словообразовательного типа» — структурно-семантическая схема построения слов // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы 9-го конгресса МАПРЯЛ (г. Варна. 17–23 сентября 2007 г.) : сборник научных статей. В 7 томах. Т. 6. Изучение и описание русского языка как иностранного. Методика преподавания русского языка (родного, неродного, иностранного). София : Heron Press, 2007. С. 326–331.
8. Мусатов В.Н. Словообразовательная полисемия отглагольных суффиксальных существительных в современном русском языке. Москва : Флинта, 2013. 448 с.
9. Пугиева Н.А. Полисемантизм глагольного слова // Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря русского языка. Грозный, 1981. С. 74–137.
10. Савельева Н.П. К вопросу о лексической многозначности и однозначности / Барнаульский государственный педагогический институт. Учёные записки. Т. 8. Русский язык / ответственный редактор Ф.И. Тарасов. Барнаул, 1966. С. 158–162.
11. Тихонов С.А. Семантическая структура прилагательных с суффиксом -н-, образованных на базе отглагольных существительных на -к(а) в современном русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования : сборник научных статей / ответственный редактор А.Н. Тихонов. Ташкент : Укитувчи, 1978. С. 301–303.
12. Улукханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. Москва : Наука, 1977. 256 с.
13. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. Москва : АСТ, 2004. 1022 с.
14. Ширшов И.А. Типы полисемии в производном слове // Филологические науки. 1996. № 1. С. 55–66.

Types of Polysemy in Russian as a Means of Semantics in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language

Elena Demidova,
PhD in Philology, Associate Professor
Moscow Pedagogical State University
E-mail: lena2707@yandex.ru

The article deals with the problem of the word-formation component of the communicative competence of foreign students, it is pointed out that regular work should be carried out in classes with foreign philology students to activate skills to determine the producing word for a particular derivative. The ability to determine the derivation of a word, to trace its connections with the producer allows foreign students to establish the word-formation depth of an unfamiliar derivative, gives students the opportunity to guess the previously unknown meanings of a polysemantic derivative word.

Key words: word formation, derivative word, producing word, polysemy, foreign students.

DOI: 10.18572/2687-0339-2024-1-37-42

Художественный фильм как средство формирования социокультурной компетенции студентов-билингвов (на примере киносказки А. Роу «Морозко»)

Марина Анатольевна Березняцкая,
кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: bereznyiatskaya-ma@rudn.ru;

Анастасия Владимировна Денисенко,
кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: denisenko-av@rudn.ru;

Юлия Михайловна Калинина,
кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: kalinina-yum@rudn.ru

Статья посвящена работе с художественными фильмами, которые используются в учебном процессе как эффективный инструмент инкультурации студентов-иностранцев в новую для них языковую и культурную среду и как средство формирования коммуникативной и социокультурной компетенций. Авторы описывают модель работы с аутентичной киносказкой «Морозко» на занятии по русскому языку и лингвострановедению со студентами-билингвами. Разработанный к сказке комплекс упражнений, направленных на снятие потенциальных лексических сложностей, проведение сопоставительного анализа русского фольклора и родного эпоса обучающихся, позволяет в полной мере реализовать эпимитический, дидактический и эмоционально-экспрессивный потенциал выбранного метода.

Ключевые слова: художественный фильм, сказка, студенты-билингвы, коммуникативная компетенция, социокультурная компетенция.

Использование аутентичных художественных фильмов при обучении русскому языку и лингвострановедению создает большие возможности для развития навыков и умений во всех видах речевой деятельности, наделяет учебный процесс максимальной коммуникативной направленностью и позволяет формировать социокультурную компетенцию, понимаемую нами как совокупность исторических, культурологических, этноментальных знаний и этикетных особенностей страны изучаемого языка, а также способность соблюдать принятые нормы поведения и применять теоретические знания в различных коммуникативных

ситуациях. Социокультурная компетенция является обязательным компонентом коммуникативной компетенции. Художественные фильмы, обладающие большим эпистимическим, дидактическим и эмоционально-экспрессивным потенциалом, должны использоваться в учебном процессе как эффективный инструмент формирования социокультурной компетенции иностранных обучающихся.

В настоящее время методические разработки по обучению русскому языку и лингвострановедению студентов-билингвов приобретают особую актуальность по ряду причин. Так, в последнее десятилетие

в российских вузах прослеживается тенденция к увеличению такого контингента учащихся.

В процессе обучения русскому языку студентов-билингвов необходимо приобщить к народному фольклору как к неотъемлемой части традиций культуры этноса. Это подтолкнуло авторов статьи к созданию методической разработки коммуникативной и социокультурной направленности, в которой органично сочетается лексико-грамматический материал, лингвокультурологическая составляющая и этноментальность.

В данной статье предложена модель работы по аутентичному художественному фильму А. Роу «Морозко» (1964 г., киностудия им. М. Горького) со студентами, владеющими русским языком на уровне не ниже В2. Данная киносказка была выбрана авторами, поскольку в сказках «кроются аксиологическая составляющая культуры народа, его духовная сила» [Суркова, Латышева 2019: 239], а также в них представлены «уникальные и богатейшие языковые и речевые образцы, которые призваны сформировать не только культурную, но и коммуникативную компетенцию, способствовать развитию речевых навыков и коммуникативных умений. Фольклорный фонд русского языка является уникальным материалом для представления иностранцам русской языковой картины мира, для процесса инкультурации студентов-иностранцев и постепенного формирования вторичной языковой личности» [Суркова, Латышева 2019: 239]. Отметим также, что интеграция в учебный процесс киносказок с занимательным сюжетом и однозначной трактовкой заложенной в повествование моралью интенсифицирует процесс аккультурации иностранных обучающихся.

Алгоритм работы по фильму «Морозко» традиционен и сводится к трем этапам: преддемонстрационному, демонстрационному и последедемонстрационному. На преддемонстрационном этапе обучающиеся узнают общую информацию о фильме и работают с новой лексикой:

Прочитайте текст, переведите выделенные слова с помощью словаря.

Мастерство режиссера А. Роу, создателя жанра киносказки, признано во всем мире.

Фильм «Морозко» вошел в золотой фонд советского кино и стал одним из самых любимых в жанре фильмов-сказок. Он был отмечен множеством наград на детских кинофестивалях не только в России, но и за рубежом.

Этот музыкальный, великолепно костюмированный фильм снят по мотивам русской народной сказки. Жила-была хорошая девушка Настенька. Злая мачеха заставляла её постоянно работать. Однажды она решила избавиться от падчерицы и отправила её замерзнуть в зимний лес. В этих же краях жил паренек Иван. Он полюбил Настеньку, но он был большим хвастуном, поэтому лесной колдун превратил его в медведя. И Настеньке, и Ивану пришлось пройти через много испытаний, прежде чем соединить свои судьбы. И помог им в этом добрый волшебник — дедушка Морозко.

«Морозко» — русская волшебная сказка. Ее причисляют к новогодним, рождественским или просто зимним сказкам [Яркина, Денисенко 2013: 42].

Объясните значение слов. В случае затруднения обратитесь к словарю.

<i>Мачеха</i>	<i>Падчерица</i>	<i>Колдун</i>
<i>Дубина</i>	<i>Посох</i>	<i>Хвастун</i>
<i>Приданое</i>	<i>Сани (санки)</i>	<i>Сватовство</i>

Обратите внимание, как обращаются к людям в русских сказках. Вы услышите эти обращения в фильме.

Добрый молодец — обращение к молодому человеку;

Красна девица — обращение к молодой девушке;

Батюшка — уважительное обращение не только отцу, но и к любому пожилому человеку;

Старик, старуха — обращение без имени к героям сказки.

Объясните, как вы понимаете выделенные выражения.

1. Ты забыл старому человеку спасибо сказать, земной поклон отдать.

2. Пусть меня старуха со свету съживет!

3. Ты не жди от меня подмоги!

4. Увези ты Настьку с глаз долой!

5. Хорошая ты девица, неперечливая!

К данным словам и выражениям, звучащим в фильме, подберите литературные эквиваленты.

Загнать в могилу, чудо-юдо, уносить ноги, неожиданно-незванно, сердчать, очуметь.

Слова для справок: *вызывающая удивление; убежать; неожиданно, без приглашения; сердиться; потерять разум; довести до смерти.*

В предпросмотровый этап мы считаем целесообразным включить и работу с культурологическим материалом. Например, можно предложить студентам следующее задание:

Соотнесите сказочных персонажей и сказочные реалии с их описанием:

<i>Баба Яга</i>	<i>Добрый сказочный волшебник, хозяин зимнего леса</i>
<i>Морозко</i>	<i>Жилище Бабы Яги, обычно находится в лесу, куда попадает герой сказки</i>
<i>Старичок-Боровичок</i>	<i>Страшная, уродливая старуха, владеющая волшебными предметами и мешающая главному герою достичь цели</i>
<i>Избушка на курьих ножках</i>	<i>Он же гриб. Получил имя благодаря сходству с грибом и маленького роста. Существо вздорное, но справедливое. Злому человеку может спутать дорогу, а хорошему, наоборот, помочь найти нужный путь. Указывает людям на их недостатки, превращая их в животных.</i>

Кроме того, иностранным обучающимся предлагается прослушать песню «В лесу родилась ёлочка». Проживающие в России иностранцы должны знать, что это популярная песня, которую поют дети на Новый год. Для развития навыка аудирования можно предложить студентам на занятии во время прослушивания песни заполнить пропуски в тексте (рис. 1):

В лесу родилась ...,

В ... она росла.

Зимой и летом ...,

Зелёная была.

Метель ей ... песенку:

«..., ёлочка, бай-бай!»

Мороз ... укутывал:

«..., не замерзай!»

Рис. 1. Фрагмент задания на аудирование

Принимая во внимание успешность метода обучения иностранным языкам посредством музыки, пения и разучивания стихов [Леви 1966: 14], целесообразно предложить учащимся прослушать и выучить слова данной песни, звучащей в фильме.

Во время просмотра фильма иностранные учащиеся должны найти ответы на вопросы, список которых они получают заранее:

Будьте внимательны при просмотре фильма и найдите ответы на следующие вопросы:

1. Где происходит действие сказки?
2. С кем живет Настенька?
3. Как зовут родную дочь мачехи?
4. Как зовут жениха Настеньки?
5. Куда отправила мачеха падчерицу?
6. За что Старичок-Боровичок заколдовал Ивана?
7. В кого Старичок-Боровичок превратил Ивана?
8. Кто помог Настеньке выжить в лесу?
9. Зачем мачеха отправляет родную дочь в лес?
10. Что получила Марфуша в приданое от Морозко?

Если перед просмотром фильма основной акцент в заданиях делается на лексику, для того чтобы снять у обучающихся потенциальные трудности с новыми наименованиями и лексическими единицами, то после просмотра фильма преподаватель проверяет внимательность студентов при просмотре фильма, адекватность восприятия и правильность интерпретации увиденного. Для этого используются следующие задания:

Проверьте, соответствуют ли содержанию фильма эти утверждения. Если нет, дайте правильный ответ.

1. Иван — жених Марфуши.
2. Морозко испытывает характеры Настеньки и Марфуши, усиливая и усиливая мороз.
3. Мачеха любит Настеньку и желает ей добра.
4. Отец не соглашается везти родную дочь в лес, чтобы погубить ее.
5. Старичок-Боровичок превращает Ивана за хвастовство в оленя.
6. Марфуша наказана за свое поведение.
7. Баба Яга пытается помешать Ивану встретиться с Настенькой.
8. Марфуша — родная дочь мачехи.
9. Настенька — падчерица для мачехи.
10. Собака предсказывает судьбы Настеньки и Марфуши.

Выберите правильный вариант ответа.

1. Настенька —	А) родная дочь мачехи. Б) падчерица. В) дочь Морозко.
2. Марфуша —	А) родная дочь мачехи. Б) падчерица. В) родная дочь старика.
3. Мачеха	А) отправляет родную дочь в лес, чтобы погубить ее. Б) отправляет Настеньку в лес, чтобы погубить ее. В) заставляет родную дочь работать с утра до ночи.
4. Иван —	А) жених Марфуши. Б) брат Настеньки и Марфуши. В) жених Настеньки.
5. Старичок-Боровичок превращает Ивана	А) в оленя. Б) в медведя. В) в кабана.
6. Морозко —	А) злой колдун, превративший Ивана в оленя. Б) сказочный герой, который помог Марфуше в лесу. В) добрый волшебник, который помог Настеньке в лесу.

7. Родной отец отвозит Настеньку	А) в лес. Б) в город. В) в другую деревню.
8. Старичок-Боровичок наказал Ивана	А) за неблагодарность и неуважение. Б) за его любовь к Настеньке. В) за лень.
9. Марфуша	А) получила от Морозко дорогие подарки. Б) стала посмешищем для всей деревни. В) вышла замуж за Ивана.
10. Морозко	А) жестоко наказывает Настеньку. Б) награждает Настеньку. В) награждает Марфушу.
11. «Морозко» — это	А) новогоднее представление. Б) новогодний мюзикл. В) зимняя сказка.

Соотнесите героев сказки с их положением:

Марфуша	Хозяин зимнего леса
Настенька	Жених Настеньки
Морозко	Падчерица
Иван	Мать Марфуши
Мачеха	Родной отец Настеньки
Старик	Родная дочь мачехи

Соотнесите героев сказки и их поступки:

Марфуша	В лесу ведет себя скромно, приветливо.
Настенька	Награждает Настеньку и наказывает Марфушу.
Морозко	Хвастался и не уважал старших, за это превратился в медведя.
Иван	Везет Настеньку, а потом и Марфушу в лес.
Мачеха	В лесу ведет себя грубо, невежливо.
Старик	Отправляет падчерицу в лес, чтобы погубить ее.

В конце занятия учащимся предлагаются задания на развитие коммуникативных навыков. Например:

Прочитайте диалоги из фильма и определите их участников. Разыграйте диалоги. Выберите реплики, встречающиеся только в сказках, и фразы, которые можно использовать в повседневной жизни.

1.
– Иван, погоди! Ты забыл старому человеку спасибо сказать и земной поклон отдать!
– Пусть тебе медведь в ножки кланяется!

2.
– А звать-то тебя как?
– Зовут меня Настенька, а кличут по-разному.

...
– Настенька, выходи за меня замуж.
– Ишь, какой быстрый!
– А чем не жених: не косой, не рябой...
– Это верно, да вот только я-то тебе не пара.

– Почему?
– Хвастаться не умею. Вот.
– Да разве я хвастаюсь? Да я, если хочешь знать, всё могу!

3.
– Принцесса, как есть принцесса!
– Правда?
– Правда.

...
– Нет, не принцесса!
– А кто же?
– Королевна!

4.
– Избушка-избушка, встань к лесу задом, ко мне передом!

– Чего надо? Иван явился неожиданно-незванно. Повернул избушку, разбудил старушку!

...
– Не сердчай, бабуся, не сердчай, Ягуся! Помоги мне Настеньку найти, помоги мне от беды ее спасти!

– И не жди от меня подмоги! Уноси скорее ноги!

5.
– Откуда такая чуда-юда?
– Из дому.
– Из дому? А тепло ль тебе, девица?
– Тепло, батюшка Морозушка. Тепло.
– И теперь тебе тепло, красна девица?
– Тепло, Морозушка, тепло, батюшка.

6.
– Тепло ли тебе, девица?
– Да ты что, старый, очумел, что ли? Видишь, у меня руки и ноги замерзли!

Со студентами-билингвами можно обсудить их национальный фольклор, предложить провести сопоставительный анализ русских и национальных положительных / отрицательных героев и сказочных персонажей.

В качестве домашнего задания обучающимся предлагается прочитать русскую народную сказку «Морозко» и подготовиться к участию в дискуссии по вопросам: «В чем сходство и различие сюжетов сказки и фильма «Морозко», «Почему, по вашему мнению, режиссер изменил текст сказки».

Предлагаем студентам для прочтения один из вариантов сказки «Морозко», размещенный в сети Интернет [Русская народная сказка «Морозко»]. На наш взгляд, данная версия аутентичного текста является наиболее доступной для восприятия студентами-билингвами.

Таким образом, подобная модель работы над аутентичным художественным фильмом на занятиях по русскому языку как иностранному со студентами-билингвами будет способствовать расширению знаний учащихся, формированию у них коммуникативной и социокультурной компетенций, а также создаст необходимые условия для постижения российской культуры и сопоставления ее с родными культурами обучающихся, что позволит существенно облегчить адаптацию в русской языковой среде.

Литература

1. Леви В. Вопросы психофизиологии музыки // Советская музыка. 1966. № 8. С. 13–19.
2. Русская народная сказка «Морозко» URL: <https://kladraz.ru/skazki-dlja-detei/ruskaja-narodnaja-skazka-morozko.html> (дата обращения: 11.03.2023).

3. Суркова Е.В., Латышева М.А. Русская народная сказка как средство формирования культурной и коммуникативной компетенции студентов-иностранцев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 239–242.
4. Яркина Л.П., Денисенко А.В., Серова Л.К., Скаяева Е.В. Идем в кино! : пособие по работе над художественным фильмом на занятиях по русскому языку для студентов-иностранцев. Москва : РУДН, 2013. 71 с.

A Feature Film as a Means of Forming the Socio-Cultural Competence of Bilingual Students (Based on the Example of A. Rowe’s movie “Morozko”)

Marina A. Bereznyatskaya,
PhD, Associate Professor
Peoples’ Friendship University of Russia
E-mail: bereznyatskaya-ma@rudn.ru;

Anastasia V. Denisenko,
PhD, Associate Professor
Peoples’ Friendship University of Russia
E-mail: denisenko-av@rudn.ru;

Julia M. Kalinina,
PhD, Associate Professor
Peoples’ Friendship University of Russia
E-mail: kalinina-yum@rudn.ru

The article is devoted to working with feature films that are used in the educational process as an effective tool for the inculturation of foreign students into a new linguistic and cultural environment. In addition, watching films is a means of developing communicative and sociocultural competence. The authors describe a model of working with the authentic movie tale “Morozko” for the Russian language and linguistic and cultural studies classes with the bilingual students. The set of exercises developed for the fairy tale aimed at removing potential lexical difficulties, conducting a comparative analysis of Russian folklore and the native epic of students, allows one to realize fully the epimistic, didactic and emotionally expressive potential of the chosen method.

Key words: fiction film, fairy tale, bilingual students, communicative competence, socio-cultural competence.

Уважаемые авторы!

Издательский отдел Российского профессорского собрания напоминает

Публикации в наших изданиях «Профессорский журнал» и сборниках статей по результатам форумов являются бесплатными.

Каждой статье в журналах присваивается DOI.

Все издания постранично размещаются в Научной электронной библиотеке (НЭБ) и индексируются в базе данных РИНЦ.

DOI: 10.18572/2687-0339-2024-1-43-47

Традиции и инновации в учебнике по русскому языку для 2 класса школ Кыргызской Республики

Елена Алексеевна Железнякова,

кандидат педагогических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

E-mail: elenazheleznyakova@yandex.ru;

Полина Васильевна Новикова,

младший научный сотрудник
Межвузовский центр билингвального и поликультурного образования
РГПУ им. А.И. Герцена

E-mail: polinovik@gmail.com;

Саадат Нурлановна Шерматова,

преподаватель
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына;
школа-гимназия № 63 им. Ч. Айтматова

E-mail: saadat_shermatova@mail.ru

В данной статье приводится методический анализ учебника 2 класса по русскому языку, входящего в состав инновационной линейки УМК по русскому языку для школ Кыргызской Республики. Выделяются традиционные и новые элементы содержания учебника. Анализируемое издание характеризуется особой когнитивной ценностью учебных материалов, наличием заданий, ориентированных на формирование социокультурной и лингвокультурной компетенции школьников, направленностью на достижение метапредметных результатов обучения.

Ключевые слова: методика обучения русскому языку как неродному, учебно-методический комплекс, русский язык в Кыргызстане, школьное образование, урок русского языка.

В 2022 году коллективом под руководством доктора педагогических наук, профессора Е.А. Хамраевой была создана инновационная линейка УМК по русскому языку для школ Кыргызской Республики [Хамраева 2023]. В авторский коллектив вошли как представители российской науки — методисты, преподаватели вузов, авторы учебников и учебных пособий по русскому языку, так и представители Кыргызстана — учёные и опытные учителя, ежедневно работающие с киргизскими детьми и не понаслышке знающие о тенденциях и проблемах обучения русскому языку в киргизских школах. Такое содружество русской и киргизской науки позволило создать УМК, объединяющий методические

традиции двух стран и одновременно учитывающий последние достижения методики обучения детей неродному языку. Например, опыт работы над учебником для 10 класса описан в статье У.К. Кадыркуловой, М.Н. Коношонок и Е.Б. Коломейцевой [Кадыркулова и др. 2023]. Соавтором учебника для 2 класса стала С.Н. Шерматова, преподаватель Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, учитель русского языка и литературы школы-гимназии № 63 им. Ч. Айтматова, один из авторов настоящей статьи [Железнякова и др. 2022].

Обучение русскому языку в школах Кыргызской Республики начинается в 1-ом и заканчивается в 11-ом классе. Оно соответствует уровневой системе владения языком,

при этом в 1–3 классах осваивается элементарный уровень (A1) [Хамраева 2023: 39], достижение которого предполагает сформированность элементарных коммуникативных умений в чтении, аудировании, говорении, письме, формирование универсальных лингвистических понятий и представлений об особенностях общения на русском языке. В 2021 году был разработан предметный стандарт по русскому языку в школах с киргизским, узбекским и таджикским языками обучения для 1–4 классов общеобразовательных организаций Кыргызской Республики [Добаев и др. 2020]. В соответствии с этим стандартом обучение осуществляется на основе компетентностного подхода, обеспечивающего формирование ключевых компетенций через содержание предмета. К таким компетенциям относятся, в частности, критическое мышление, креативность, сотрудничество, коммуникация, а также социально-эмоциональные навыки.

Следуя требованиям предметного стандарта и традициям методики обучения русскому языку как неродному, основными подходами к обучению при проектировании нового УМК были выбраны компетентностный и функционально-коммуникативный подходы. Овладение лингвистическими знаниями, а также формирование и развитие навыков и речевых умений осуществляется на основе высказывания и текста, при этом лексико-грамматический материал представляется в соответствии с выполняемыми языковыми единицами функциями.

Композиция учебника строится на основе ситуативно-тематического принципа. Учащийся должен уметь реализовывать элементарные коммуникативные намерения в следующих ситуациях общения: «Знакомство», «В школе», «Мы играем», «Беседа о времени года», «На празднике», «Кто кому и чем помогает в семье», «Дома», «Как проходит мой день», «Что мы надеваем в разное время года», «За столом», «В саду и на огороде», «Беседа о диких и домашних животных и птицах», «На празднике», «Беседа о моей стране, моём городе, селе».

Названные ситуации определяют содержание речевого общения:

— **Я и моя семья.** Обязанности членов семьи. Кто кому и в чем помогает в семье;

— **Школа.** Наша школа. В школе. На уроке русского языка. Перемена. Поведение в школе. Наш класс. Дежурные по классу;

— **Дом.** Убираем дома, комнаты. Многоэтажный дом в городе. Квартира. Домик в деревне;

— **Труд.** Моё время. Как я провожу свой день;

— **Человек (тело, здоровье).** Человек. Части тела. Личная гигиена (уход за руками). Режим дня;

— **Одежда и обувь.** Женская одежда. Мужская одежда. Сезонная обувь. Что надеваем в разное время года;

— **Продукты, пища, посуда.** Чайник, блюда, тарелки, чашки, блюдца, стаканы, ножи, вилки, ложки. Пища: что едим дома;

— **Овощи и фрукты.** Сад и огород. Фрукты и овощи. Травы. Цветы. Деревья;

— **Животные, птицы.** Домашние животные. Мое любимое животное. У кого какие животные есть дома. Дикие животные. Животный мир;

— **Времена года.** Праздники. Наблюдение за природой. Четыре времени года. Осень. Зима. Весна. Весенний праздник Нооруз;

— **Игры, интересы, увлечения.** Игры. Игрушки. Делаем своими руками;

— **Родина (Страна. Город, село, мой родной край).** Мой город. Мое село. Что есть в селе. Что есть в городе. Мой Кыргызстан. Столица нашего государства.

Ситуативно-тематическое представление материала традиционно для обучения детей неродному языку. Центральным элементом каждой темы являются тексты для чтения, подобранные в соответствии с уровнем коммуникативной компетенции учащихся и их интересами, что способствует повышению учебной мотивации. На материале текстов формируются умения, связанные с восприятием, осмыслением и переработкой информации.

Сосредоточимся на тех характеристиках нового учебника, которые отличают его от учебников, использующихся в школах Кыргызской Республики в настоящее время (наиболее распространённым учебником для 2 класса школ с киргизским языком обучения является учебник «Русский

язык и чтение» Д.К. Омурбаевой [Омурбаева 2013]).

В начале каждого урока представлены новые слова для активного усвоения, которые соответствуют лексическому минимуму 2 класса. Слова, которые должны войти в пассивный лексический запас учащихся, даются с переводом на киргизский язык. Грамматический материал изучается на основе новой или ранее пройденной лексики. Цикличное изучение (4–5 уроков на освоение новой лексики и грамматики и 1 урок-повторение) позволяет поддерживать языковой материал в активном использовании обучающегося, обеспечивая многократное повторение и закрепление.

Большая роль в новом учебнике отводится аудированию, которому в известных нам учебниках для киргизских школ уделяется незначительное внимание. В учебнике под редакцией Е.А. Хамраевой в каждом уроке используются звучащие тексты, представленные в электронном виде посредством QR-кодов. Это необходимо для того, чтобы учащиеся могли слышать правильную русскую речь не только от учителя, но и от носителей языка, чтобы пробуждать и поддерживать интерес к русскому языку и процессу его освоения, развивать у детей наблюдательность и исследовательские способности.

Содержание нового учебника предполагает формирование социокультурной и лингвокультурной компетенции школьников: овладение этикетными нормами и нормами поведения для осуществления общения и взаимодействия в социально-бытовой, социально-культурной и учебно-трудовой сферах общения; формирование умения понимать и принимать особенности родной культуры и культуры русского народа; знакомство учащихся с отдельными произведениями детского фольклора, с ключевыми словами, идеями, героями сказок Кыргызстана, известными достопримечательностями Кыргызстана и России; осознание ценностей своей страны и общечеловеческих ценностей.

Так, в теме «Что мы едим» предлагается следующее задание:

Послушай и расскажи, как нужно себя вести за столом.

- Перед едой мы всегда моем руки.
- Затем мы желаем друг другу «приятного аппетита».
- Во время еды мы молчим.
- Когда мы поели, мы говорим «спасибо» повару.
- После еды мы не забываем убирать за собой грязную посуду.

В учебнике также представлены картины русских художников, вписанные в тематический контекст. Например, в теме «Осень» представлено такое задание:

Рассмотри картину. Прочитай текст. Расскажи, что ты видишь на картине.

Ты видишь картину Исаака Бродского «Летний сад осенью». Летний сад — это красивый парк в России, в Санкт-Петербурге. Здесь хорошо гулять летом.

Тема «Масленица» сопровождается картиной Б. Кустодиева «Масленица» со следующим заданием: Рассмотри картину. Что на ней изображено? Расскажи, как русские люди празднуют Масленицу.

Для организации диалога культур уместно сопоставление единиц русского и киргизского языков и явлений культуры, например:

1) Прочитай пословицы. Скажи, как ты их понимаешь.

Скажи, с кем ты знаком, и я скажу, кто ты такой.

Уста менен дос болсоң, нар кескенин аларсың. Ууру менен дос болсоң бир балээге каларсың.

2) Прочитай текст и ответь на вопросы.

Герб — это символ страны. Вот гербы России и Кыргызстана. На этих гербах есть птицы. На гербе России — орел, а на гербе Кыргызстана — белый сокол.

1. Какая птица на гербе России?

2. Какая птица на гербе Кыргызстана?

3. Как ты думаешь, почему на гербах птицы?

В содержании обучения школьников должны учитываться психофизиологические характеристики детей. В возрасте 8–9 лет формируются произвольность, внутренний план действий и рефлексия, активно развивается когнитивная сфера учащегося. Это требует создания на уроке развивающей среды, предполагающей вовлечение школьника в активный процесс

познания. В новом учебнике это достигается использованием различных форм организации учебной деятельности: индивидуальной, групповой, коллективной; включением в обучение игры; применением метода проектов.

Как известно, игра продолжает занимать большое место в жизни учащегося младшего школьного возраста, поэтому обращение к играм будет не только развлекать и повышать мотивацию, но и способствовать овладению русским языком в привычной и удобной для ребёнка форме. Предлагаются, например, такие игры: «Покажи без слов, как ты пишешь, говоришь, читаешь», «Снежный ком. Повтори и продолжи», «Рассмотри рисунок и запомни, что на нём изображено. Закрой книгу и напиши в тетради, кто что делает», «Рассмотри рисунки. Найди и назови 5 отличий», «Самый умный. Поиграйте в игру. Ученики встают в круг и по очереди быстро называют любые слова, связанные с зимой. Кто долго думает или ошибается, выбывает из круга. Победитель — последний оставшийся».

Проектная деятельность ориентирована на использование умений, полученных в ходе языкового обучения, для постановки и решения практических задач, которые носят прикладной характер и на первый взгляд не являются языковыми. Во 2-ом классе запланировано два проекта, которые реализуются один раз в полгода и выполняются в течение серии занятий, занимаая по 5–7 минут урока, или во время внеклассной работы.

Продуктом первого проекта станет новогодний сувенир — открытка для поздравления на русском языке. В ходе выполнения проекта учащиеся изготавливают открытку и подписывают её. Таким образом они овладевают речевыми конструкциями, которые обычно не представлены на уроках русского языка, например: подготовьте шесть полосок из зелёной бумаги; ширина каждой полоски 1 см; одна полоска длиной 10 см и шириной 1 см. Кроме того, происходит знакомство с нормами письменного поздравления на русском языке: что пишется на каждой стороне открытки, как оформляются поздравление и пожелание.

Проект, завершающий работу во 2-ом классе, — «Путешествие в Россию». Учащи-

еся готовят информацию для своих друзей, собирающихся в путешествие: продумывают маршрут и составляют записки о достопримечательностях.

В проектной деятельности важную роль играет учитель, который направляет детей, дает советы и учит правильно формулировать мысли на русском языке, а также цели и задачи проекта. Владение учителем информацией о проектной деятельности имеет большое значение в дальнейшей работе, повышает мотивацию учеников при изучении русского языка, вызывает творческий интерес учащихся к учебному процессу, развивает активность, которая способствует самостоятельности школьников.

Кроме того, использование метода проектов дает возможность развивать коммуникативные умения на русском языке и обеспечивает метапредметные результаты. Межпредметные связи имеют большое значение для когнитивного развития школьников и создания объемной картины мира в ходе овладения русским языком. Помимо метода проектов, достижению метапредметных результатов способствует включение в учебник текстов, связанных с русской и родной культурой учащихся, сведений о России и Кыргызстане, заданий на описание картин и рисунков, создание собственных рисунков и т. п.

Познавательные способности школьников развивает и рубрика «Это интересно!», в которой представлены мини-тексты, связанные с темой урока и сообщающие о занимательном факте. Приведем несколько примеров. В теме «Игрушки»: «Слово барабан пришло из тюркских языков. В тюркских языках и сегодня есть похожие слова: «балабан», «дарабан», в теме «Празднуем Новый год»: «Для многих людей праздник Новый год — главный в году. Ёлки стали украшать примерно 170 лет назад. Сначала это была еда: конфеты, орехи, яблоки. На ветках горели свечи, а на верхушке была звезда. И только 100 лет назад люди начали украшать ёлку цветными шарами и игрушками».

Представляется, что новый школьный учебник как основное средство обучения русскому языку вне языковой среды должен объединять методические традиции двух стран и в то же время следовать актуальным

научным тенденциям. В учебнике для 2-ого класса школ Кыргызской Республики под редакцией Е.А. Хамраевой традиционные подходы к обучению получают развитие в новом направлении, что проявляется в по-

вышенном внимании к когнитивной ценности учебных материалов, к формированию социокультурной и лингвокультурной компетенции школьников, к достижению метапредметных результатов обучения.

Литература

1. Добаев К.Д., Булатова В.А., Ибраимова Р. Предметный стандарт по русскому языку в школах с кыргызским, узбекским, таджикским языками обучения для 1–4 классов. Бишкек, 2020.
2. Железнякова Е.А., Новикова П.В., Шерматова С.Н. Русский язык: 2 класс : учебник для школ общего образования Кыргызской Республики с родным (кыргызским) языком обучения. Уровень А1.2 / Е.А. Железнякова, П.В. Новикова, С.Н. Шерматова ; под научной редакцией Е.А. Хамраевой. Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. 136 с.
3. Кадыркулова У.К., Коношонов М.Н., Коломейцева Е.Б. Особенности разработки современного учебника по РКИ (из опыта работы над учебником для общеобразовательных школ Кыргызстана с родным языком обучения) // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. № 2 (14). С. 42–49.
4. Омурбаева Д.К. Русский язык и чтение : учебник для 2 кл. шк. с кырг. языком обучения. В 2 частях. Бишкек, 2013.
5. Хамраева Е.А. Русский язык в образовательном пространстве стран СНГ: система школьных сертификационных уровней владения русским языком и новая учебная литература // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. № 1 (13). С. 36–40.

Traditions and Innovations in the Russian Language Textbook for the 2nd Grade of Primary Schools in the Kyrgyz Republic

Elena Zhelezniakova,

PhD in Pedagogy, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
E-mail: elenazheleznyakova@yandex.ru;

Polina Novikova,

Junior researcher
Interuniversity Bilingual Center and Multicultural Education,
Herzen State Pedagogical University of Russia
E-mail: polinovik@gmail.com;

Saadat Shermatova,

Lecturer
J. Balasagyn Kyrgyz National University, Aitmatov school-gymnasium № 63
E-mail: saadat_shermatova@mail.ru

This article presents an analytical analysis of the 2nd grade Russian language textbook as part of the innovative line of Russian language textbooks for schools in the Kyrgyz Republic. Traditional and new elements of the textbook content are highlighted. The analyzed edition is characterized by a special cognitive value of educational materials, the presence of tasks focused on the formation of socio-cultural and linguacultural competence of schoolchildren, the focus on achieving meta-subject learning outcomes.

Key words: methodology of the Russian as a second language, teaching complex, Russian language in Kyrgyzstan, level language system, school education, Russian language lesson.

DOI: 10.18572/2687-0339-2024-1-48-51

Корреляция пространств в мемуарах О.Б. Сиротининой «Жизнь вопреки, или Я счастливый человек: воспоминания». Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. 288 с.

Ирина Анатольевна Иванчук,

доктор филологических наук, доцент, профессор

Северо-Западный институт управления

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

E-mail: ivanchukia@rambler.ru

Рецензия представляет анализ воспоминаний профессора О.Б. Сиротининой как неоценимого источника информации для лингвистов, изучающих проблемы языковой личности и идиостиля автора. Рассматриваются элементы текстового пространства мемуаров, их значимость как реалистического описания картины филологических исканий ведущих лингвистов XX столетия. Подчеркивается высокая степень научности повествования. Стилистика создания образа автора — мудрого Учителя-собеседника — позволяет сделать вывод о близости стиля Воспоминаний О.Б. Сиротининой к жанру ораторской прозы.

Ключевые слова: текстовое пространство, мемуары, Сиротинина, образ автора, ораторская проза.

Вышло в свет 2-е издание мемуаров О.Б. Сиротининой «Жизнь вопреки, или Я счастливый человек: воспоминания» / запись и подгот. текста, предисл. О.В. Мякшевой. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. 288 с. Выпуск издания приурочен к **100-летию** выдающегося ученого (род. 27. 06. 2023).

Мемуары как жанр публицистики — произведение многоуровневое, предполагающее особую форму синхронной организации материала как отражения хода времени. Хотя оглавление *Воспоминаний* О.Б. Сиротининой и представляет характер повествования в хронологии, автор отходит от традиционного принципа, предлагая читателю более сложный формат описания событий. В анализе текста *Воспоминаний* О.Б. Сиротининой мы ориентируемся на теорию текстового пространства [Чернухин 1993; Болотнова 2009].

Кроме того, нами учитывается одна из важнейших категорий художественного (и публицистического) текста — регулятивная функция — способность «управлять читательским восприятием ... в соответствии с авторской интенцией» [Бахтин 1975: 277–407].

Философское пространство мемуаров О.Б. Сиротининой соотносится с ядерной лексемой концепта «*Радость*» (на основе сопоставления данных исторических и современных толковых словарей — «*душевное удовлетворение от состояния творческого подъема*»). А моментов душевного удовлетворения в творческой жизни ученого с мировым именем, доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и массовой коммуникации Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, основателя Саратовской лингвистической школы

изучения разговорной речи О.Б. Сиротининой немало. Перу О.Б. Сиротининой принадлежит более 670 работ. Личное наблюдение **как метод и как фактор** специфики научного описания рождает особую **методологию** исследования, оно соотнесено с изначальной жизненной установкой: «... Я следую её методу (методу мамы — одного из самых крупных специалистов по пищевым отравлениям) поиска истины: анализировать, проверять, отвергать... находить причину явления» [Сиротинина 2023: 244]. *Текстовое пространство Воспоминаний* О.Б. Сиротининой — это, прежде всего, лирические и драматические впечатления предвоенной юности: «...в сороковом году ходила на переключку, на ладошке у меня номер писали, и в конце концов получила пол-литровую бутылку масла...» [Сиротинина 2023: 49]. Памятно и военное филологическое студенчество, лекции блестящей когорты ленинградских филологов — Гуковского, Бялого, Евгеньева-Максимова, Тарле (в годы Великой Отечественной войны Ленинградский университет был эвакуирован в Саратов). Конспекты этих лекций бережно сохранены [Фонд Сиротининой 2023]. Толерантность — основа воспитания, жизненная позиция в доме Сиротининых. В мудрых беседах с мамой Ольга Сиротинина слышит: «...запомни, девочка, у каждого своя правда, и нельзя руководствоваться только одной из них» [Сиротинина 2023: 11]. Описание лингвистической России (и СССР) в первых лицах — от 40-х гг XX в. до современности — составляет центральную часть *Воспоминаний*. Жаркие споры о характере и специфике русской разговорной речи с Московской лингвистической школой Е.А. Земской; рождение «Культуры речи» как новой дисциплины в образовательных стандартах вузов в 70-е гг. XX столетия (встречи и горячие обсуждения Программ и концепции с профессором Б.Н. Головиным); создание терминологического аппарата теории типов речевых культур в 90-е гг. (Н.И. Толстой, О.Б. Сиротинина, И.А. Стернин);

эмоциональные дебаты с проф. А.П. Журавлевым об издании Словаря фонозначений русских слов. Вот что вспоминает О.Б. Сиротинина о выступлении на заседании Международной комиссии Съезда Славистов: «Перечень участников и докладов поразил: из 15 докладчиков только 5 советских (Виноградов, Чичерин, Гельгардт, Гаспаров — «киты», и я), у меня ноги-то и подкосились... потом спросила у Виктора Давидовича Левина, не благодаря ли ему я сюда попала. А он ответил, что Виктор Владимирович ему сказал: «Вот я прочёл книгу Сиротининой, её стоит пригласить» [Сиротинина 2023: 160]. Повествование автора освобождено от излишней фактологичности. В этом специфика **художественного пространства Воспоминаний**. Каждая глава и ее персонажи — краткая философская притча, сюжет которой определяет внутренняя динамика развития и живость диалогов. Таково описание юношеского увлечения актером Саратовского драматического театра А.И. Степановым, которому школьница Ольга регулярно отправляла «письма с криминалом», внимательно замечая все орфоэпические ошибки в произнесенном со сцены тексте. Спустя десятилетия в письмах уже профессору Сиротининой народный артист А.И. Степанов писал, что замечания ему очень помогали в творчестве...» [Сиротинина 2023: 64].

Образ автора — неотъемлемое свойство публицистического жанра текста. В основе его создания О.Б. Сиротининой избран стиль доверительного собеседника — мудрого Учителя. Повествование не просто увлекательно: перед читателем **способ самопознания** не только одного человека, но и целого поколения, эпохи. Мемуары О.Б. Сиротининой лишены преднамеренной имидживости. Авторская задача иная — дать возможность читателю увидеть изображаемое глазами участника событий. Соблюдая в строении собственных текстов (как научных, так и публицистических) **принцип доступности** как один из основных

параметров культуры речевого общения (Б.Н. Головин), О.Б. Сиротинина всегда пишет просто и ясно, чтобы исследования были понятны не только профессиональным филологам, но и тем, кто интересуется проблемами речевого общения [Кормилицына, Байкулова 2023]. Законы построения мемуаристики определяют и ее *жанрово-лингвистические особенности*: гипотетический собеседник присутствует в воспоминаниях всегда (прямо и открыто либо косвенно); автор при этом выступает нередко в роли **собеседника-педагога** («... я всегда учу студентов, ... что безусловных авторитетов у них быть не должно...»). Эту экспериментаторскую «закваску» О.Б. Сиротинина называет «ленинградской». Эмоциональность в *Воспоминаниях* соотносится с умением включать в текст фрагменты собственно-научного повествования, аргументированно представлять определенную исследовательскую позицию: «...эта политика (замены разговорных слов на официально-деловой стандарт — И.И.) ведёт к игнорированию функционального многообразия русского языка, используемого в соответствующих сферах общения...» [Сиротинина 2023: 255].

Несмотря на категоричность авторской позиции, *Воспоминания* отличаются деликатностью и корректностью формулировок как проявления классических параметров **толерантности** и **этики речевого общения**, традиций национального русского речевого этикета. Прогнозы развития русского литературного языка О.Б. Сиротининой всегда оптимистичны: отмечая риски и колебания нормы, нарушения в узусе, ряд негативных процессов современной публицистики, она непрестанно выражает уверенность в том, что «великое русское слово» всё же

будет сохранено современниками и потомками.

Текст *Воспоминаний* представляет несомненный интерес не только для тех, кто имел счастье общаться с самим автором — всемирно известным ученым — и с выдающейся плеядой лингвистов XX столетия, но и для молодого поколения исследователей. Велика и **культурологическая значимость** текста: читатель получает эстетическое обогащение от возможности присутствовать на бурных научных дискуссиях, увидеть своими глазами ее участников: «*Лантева считает, что разговорная речь — вся устная, Земская и её соавторы — неофициальная, но она может быть и письменной. Я глубоко убеждена, что ядро разговорной речи проявляется только в непосредственном общении...*» [Сиротинина 2023: 240].

Таким образом, все уровни текста *Воспоминаний* О.Б. Сиротининой способствуют усилению авторской интенции, создают индивидуальный стиль разговорности, проникнутый мудрыми научными и педагогическими идеями. Мемуары О.Б. Сиротининой не просто биография души. Это энциклопедия лингвистической жизни Отечественной русистики XX столетия. Они отвечают всем принципам регулятивности текстовой организации и тяготеют к жанру ораторской прозы, соблюдая основные законы ее построения, являясь также весомым источником информации для лингвистов, изучающих проблемы языковой личности и идиостиля автора. Стиль повествования О.Б. Сиротининой — своеобразный **научно-художественный метод** утверждения значимости ключевых положений современной теории речевой коммуникации, актуализации изучения проблем русской разговорной речи.

Литература

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. Москва: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н.С. Болотнова . 4-е изд. Москва : Флинта, 2009. 520 с.
3. Гаспаров М.Л., Михайлов А.Д. Ораторская проза // Краткая литературная энциклопедия. В 9 томах. Т. 5. Мурари — Припев / главный редактор А.А. Сурков. Москва : Советская энциклопедия, 1968. С. 452–454.
4. Кормилицына М.А., Байкулова А.Н. Теория и практика современной речевой коммуникации: парадигмы научного поиска О.Б. Сиротининой (к 100-летию выдающегося российского лингвиста) // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 2. С. 205–220.
5. Сиротинина О.Б. Жизнь вопреки, или Я счастливый человек: воспоминания / О.Б. Сиротинина ; запись и подготовка текста, предисловие О.В. Мякшевой. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2009. 288 с.
6. Фонд Личного происхождения О.Б. Сиротининой. URL: <http://sar-archive.ru/exhgaso/Sirotinina/page1.html> (дата обращения 20.06.2023).
7. Чернухина И.Я. Поэтическое речевое мышление. Воронеж : Петровский сквер, 1993. 189 с.

**Correlation of Spaces in the Memoirs of O.B. Sirotinina
«Life in spite of, or I am a happy person: memories».
Saratov: Publishing House of Saratov University, 2009. 288 p.**

Irina Ivanchuk,

Doctor of Science in Philology, Full Professor
North-Western Institute of Management of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration

E-mail: ivanchukia@rambler.ru

The review presents the analysis of the text of the Memoirs of Professor O.B. Sirotinina as the invaluable source of the information for the linguists studying problems of the author's linguistic personality and individual style. The elements of the text space of memoirs are considered; their significance as a realistic description of the picture of the philological searches of the leading linguists of the twentieth century is shown. The high degree of scientific nature of the narration is emphasized. The style of creating the image of the author — the wise Teacher — allows us to conclude that the style of O.B. Sirotinina is close to the genre of the oratorical prose.

Key words: text space, memoir, Sirotinina, the image of the author, oratorical prose.

Научное наследие М.В. Всеволодовой и актуальные проблемы лингводидактики, функционально-коммуникативного и сопоставительно-типологического изучения русского языка

Е.Л. Бархударова, О.Ю. Дементьева, О.В. Зубова,
Л.П. Клобукова, Ф.И. Панков, Т.Е. Чаплыгина, Л.А. Чижова

В статье обсуждается проблематика докладов, которые были прочитаны участниками научно-методического семинара «Лингводидактическое описание русского языка в “зеркале” иноязычных систем», посвященного 95-летию со дня рождения профессора М.В. Всеволодовой и ее научному наследию. Подчеркивается многогранность личности и широта научных интересов М.В. Всеволодовой, ее огромный вклад в научное обоснование функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка, обсуждаются лингвистические и методические проблемы, отражающие направления исследований ученого.

Ключевые слова: М.В. Всеволодова, функционально-коммуникативная грамматика, национальная языковая картина мира, теория и практика преподавания русского языка как иностранного.

Заслуженный профессор Московского университета Майя Владимировна Всеволодова (26.6.1928—5.2.2020) была и остаётся гордостью филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М.В. Всеволодова была чрезвычайно разносторонним ученым, совмещавшим талант лингвиста-теоретика и преподавателя-практика, создателем научных курсов и методических пособий, вдохновителем и руководителем научных исследований в самых разных областях русистики в целом и русского языка как иностранного (РКИ) в частности. Любая работа М.В. Всеволодовой отличается как глубоким теоретическим осмыслением, так и методической направленностью. Пришедшая в большую науку из практики преподавания русского языка как иностранного, Майя Владимировна была в числе тех, кто вместе с Г.И. Рожковой, первым заведующим кафедрой РКИ в МГУ, стоял в 50-е годы прошлого столетия у истоков функционального и коммуникативного подходов к языку, являющихся основополагающими в современной лингвистике и лингводидактике (см. подробнее [Амиантова и др. 2001; Панков 2020]).

М.В. Всеволодова была автором более 300 научных публикаций, среди которых целый ряд книг, вошедших в золотой фонд русистики [Всеволодова 1975; Всеволодова 2017; Всеволодова, Владимирский 1982 и мн. др.].

Научный авторитет М.В. Всеволодовой был исключительно высок, а её душевная теплота привлекала к ней множество учеников. Достаточно вспомнить, что под её научным руководством было создано и защищено более 70 докторских и кандидатских диссертаций. При этом её воспитанники работают на кафедрах русистики не только в университетах России, но и во многих странах мира. За вклад в изучение русского языка она была удостоена медали А.С. Пушкина, присуждаемой Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) выдающимся русистам мира.

1 и 2 ноября 2023 г. на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова проходил научно-методический семинар «Лингводидактическое описание русского языка в “зеркале” иноязычных систем».

посвященный 95-летию со дня рождения профессора М.В. Всеволодовой и ее научному наследию. Организатором семинара выступила кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного (на которой с момента её основания и до последних дней жизни работала М.В. Всеволодова) при содействии кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания.

В данном научном мероприятии приняли участие в общей сложности около семидесяти профессоров, доцентов и преподавателей, представлявших филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в Баку, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД РФ), Казанский федеральный университет и Владивостокский государственный университет.

Работа семинара проходила в рамках трёх секций. Были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения, в которых нашли отражение многообразные теоретические и практические проблемы, характеризующие разносторонние научные интересы М.В. Всеволодовой: функционально-коммуникативная грамматика, национальные языковые картины мира, сопоставительное изучение языков, семантика и функционирование морфологических и синтаксических единиц, теория и практика преподавания РКИ и др. М.В. Всеволодова обладала, как очень точно отметила в своём докладе О.В. Кукушкина, «удивительным лингвистическим зрением, позволявшим ей соединять теорию с тончайшим наблюдением языковых фактов и методическими рекомендациями».

Многие участники семинара, хорошо знавшие М.В. Всеволодову, делились своими воспоминаниями о встречах и общении с ней, раскрывая разные грани её неординарной личности. В частности, открывая работу семинара (и, фактически, его очень важную, мемориальную, часть), и.о. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова доктор филологических наук профессор А.А. Липгарт рассказал о своей первой встрече с Майей Владимировной и о том незабываемом ощущении полноты жизни, которое исходило от нее. А.А. Липгарту навсегда запомнились ее увлеченность ра-

ботой, поразительная простота и непосредственность в общении, умение радоваться жизни без оглядки на возраст.

Для многих участников семинара М.В. Всеволодова была учителем в самом высоком смысле этого слова, примером в науке и жизни. Так, О.В. Чагина (МГУ) вспоминала о своих годах учебы в аспирантуре и о научной работе под руководством Майи Владимировны, о её беззаветной преданности науке, широте интересов и научной щедрости. И затем в течение всей работы семинара в разных докладах звучали тёплые воспоминания о встречах и совместной работе с М.В. Всеволодовой.

Научная программа семинара открывалась совместным докладом Л.П. Клобуковой и Е.Н. Виноградовой (МГУ) «Роль М.В. Всеволодовой в становлении и развитии современной теории русской грамматики». Были рассмотрены основные вехи профессиональной биографии М.В. Всеволодовой, её вклад в научное обоснование функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка и — шире — в развитие современной теории русской грамматики. Огромные заслуги М.В. Всеволодовой в различных отраслях лингвистической науки и в становлении и развитии дисциплины «Русский язык как иностранный» были детально охарактеризованы в докладе А.В. Величко (МГУ).

Русская грамматика была центральным объектом научных исследований М.В. Всеволодовой на протяжении всей её жизни. При этом отправной точкой в её исследованиях всегда была не форма, а семантика языковых единиц. Именно в её работах впервые подробно и последовательно, на огромном языковом материале были описаны системы значений именной локативности, темпоральности и каузальности в русском языке. Применению методов, использованных М.В. Всеволодовой в ходе исследования средств выражения обстоятельственных значений, по отношению к выделению системы категориальных классов слов, был посвящен доклад Ф.И. Панкова (МГУ) «Дихотомия и систематизация в концепции Майи Владимировны Всеволодовой».

Начиная с рубежа XX—XXI вв. основным и, бесспорно, самым любимым объектом научных интересов М.В. Всеволодовой

стали предлоги как особый функциональный класс слов. Ей принадлежала идея разработки современных теоретических основ лексикографического описания русских предлогов [Всеволодова и др. 2003; Всеволодова и др. 2013; Всеволодова и др. 2017]. Инициатором М.В. Всеволодовой на рубеже XX–XXI веков международный исследовательский проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» имел широкий научный резонанс и до сих пор обсуждается в русистике (см., в частности, недавние публикации в «Профессорском журнале» программных материалов этого проекта и их обсуждение [Всеволодова 2022; Золотова 2022; Сергеева 2022; Прияткина 2022; Чижова 2022; Шелякин 2022; Клобукова 2022; Конюшкевич 2023 и др.]).

Подтверждением неослабевающего интереса к данной проблематике является и тот факт, что фактически в каждом пятом докладе из числа прозвучавших на семинаре затрагивались проблемы изучения предлогов. Заслуживают особого внимания доклады О.В. Кукушкиной (МГУ) «Предлоги как предмет научных исследований М.В. Всеволодовой», И.В. Галактионовой (МГУ) «Предлоги и союзы в составе русских количественных конструкций», А.Ф. Гайнутдиновой (КФУ) «Изучая научное наследие М.В. Всеволодовой: к вопросу о позиции русских предлогов в синтаксеме», О.Д. Ли (Владивостокский гос. университет) «Предлоги в *противовес*, в *противоположность* и предложное новообразование в *противопоставлении*: синтаксические структуры и специфика формирования противительных отношений», Н.Е. Ананьевой (МГУ) «Предлоги *bez*—*przez*, *ot* и *s* в истории польского языка».

Среди выступлений, посвященных другим проблемам грамматики, отметим доклады И.В. Одинцовой (МГУ) «Союз *пока* как средство выражения частичной ограничительной одновременности сложноподчиненным предложением (в аспекте когнитивной лингводидактики)» и А.И. Изотова (МГУ) «Иллокутивное картирование императивности чешским и русским языками».

Смелые и порой неожиданные грамматические идеи М.В. Всеволодовой, связанные с осмыслением ключевых вопросов грамматики, часто опережавшие своё вре-

мя, развиваются и широко используются и сейчас как в научных исследованиях, так и в практике преподавания РКИ. В частности, результаты изучения М.В. Всеволодовой закономерностей порядка слов в контексте преподавания РКИ стали темой доклада О.Ю. Дементьевой (МГУ). Действие интерпретационных языковых механизмов, описанных М.В. Всеволодовой, было продемонстрировано на актуальном для РКИ языковом материале в докладе Т.Е. Чаплыгиной (МГУ). Структуре, семантике и особенностям функционирования экспрессивно-образных описательных предикатов посвятила свой доклад В.А. Кузьменкова (МГУ). Об употреблении в речи некоторых русских полифункциональных компаративов рассказала И.Р. Матишина (МГУ).

Помимо грамматики, занимавшей центральное место в её научных исследованиях, М.В. Всеволодова активно занималась вопросами словообразования, лексикологии и фонетики.

Взглядам М.В. Всеволодовой на место словообразования в функционально-коммуникативной лингводидактической модели русского языка посвятила свой доклад Л.В. Красильникова (МГУ). Словообразование как особый аспект преподавания русского языка в иноязычной аудитории было темой совместного доклада Р.Н. Сафина и Л.В. Владимировой (КазГУ).

Вопросам функционально-коммуникативного описания лексики, раскрывающего как значение слов, так и особенности их функционирования, был посвящен доклад А.Е. Евграфовой (МГУ).

Значение функциональной научной парадигмы для теории языкознания и дидактики, а также вклад М.В. Всеволодовой в сопоставительные лингвистические исследования явились темой доклада Л.А. Чижовой (МГУ). В докладах участников семинара было показано, что работы М.В. Всеволодовой по сопоставлению языковых систем имеют как теоретическое, так и практическое значение: её идеи находят применение в практике преподавания РКИ в самых разных аспектах. Так, пособие «Фонетические упражнения по русскому языку для поляков», созданное М.В. Всеволодовой в 1960 году, является, как было показано в докладе Е.Л. Бархударовой (МГУ), образцом национально ориентированного курса

обучения произношению; это пособие, построенное на базе последовательного анализа польского акцента в русской речи и учитывающее в том числе «позиционные» отклонения в иностранном акценте, предвосхитило многие последующие достижения методики обучения иностранцев русскому произношению. Сходные выводы прозвучали также в докладе Д.Л. Давидян (МГУ) «К проблеме разработки национально ориентированных курсов русской практической фонетики: история и перспективы». Сопоставительному изучению лексических единиц, а также типам соотношений основных и периферийных значений слов посвятила свой доклад «Лексико-семантическая система разноструктурных языков (на материале русского и азербайджанского языков)» Г.А. Халилова (МГУ, филиал в г. Баку).

Актуальные вопросы методики обучения РКИ были рассмотрены в докладах Т.П. Трошкиной и А.Ф. Гайнутдиновой (КФУ) «Преподавание дисциплин грамматического цикла иностранным магистрантам-филологам» и Т.Л. Борисенко (МГИМО) «Из опыта обучения выбору видовой формы глагола в курсе практической грамматики РКИ».

Известно, какое значение М.В. Всеволодова придавала гармоничному вхождению носителей других языков и культур в русскую языковую и культурную среду. Социолингвистические проблемы обучения русскому языку инофонов из разных стран стали объектом обсуждения в докладе Н.Д. Афанасьевой (МГИМО).

Стремительно меняющаяся наша жизнь цифровизация трансформирует в настоящее время и сам процесс обучения РКИ. В докладе, посвященном проблемам конструирования языковой и социокультурной среды обучения РКИ в условиях цифровизации российского образования, Л.А. Дунаева

(МГУ), опираясь на труды М.В. Всеволодовой и Л.А. Дерibas, отметила, что при работе с иностранными учащимися, несмотря на все изменения, действенным способом их погружения в языковую и социокультурную среду остается чтение и обсуждение художественного текста.

Проблемам восприятия произведений В. Шукшина в иностранной аудитории, методике работы с его рассказами на занятиях по РКИ был посвящен доклад О.В. Зубовой (МГУ) «Загадочная русская душа и загадочный русский язык в контексте чтения рассказов В. Шукшина с иностранцами».

Принципы анализа песенного текста XX века, осуществляемого с учетом деятельностного подхода и раскрывающего эмоционально-чувственный «фон» восприятия текста, обсуждались в докладе В.В. Красных (МГУ) «Текст в иноязычной аудитории: понимание и интерпретация сквозь призму базовых метафор и психологической структуры значения».

Д.Б. Гудков (МГУ) в докладе «Культурная семантика фразеологизмов русского молодежного сленга» рассмотрел различные типы культурной информации, заключенной в языковом знаке (коннотативный, образно-мотивационный, оценочный, стилистический).

Завершая краткий обзор проведенного научного мероприятия, подчеркнем, что прозвучавшие доклады вызвали живой интерес аудитории и сопровождалась вопросами, комментариями и тёплыми воспоминаниями о Майе Владимировне Всеволодовой — Учёном, Учителе и Человеке... Организаторы семинара поддержали предложение его участников продолжить проведение научных встреч, посвященных памяти основоположников теории и практики преподавания РКИ, работавших на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Литература

1. Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 6. С. 215–233.
2. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений. Москва : Издательство Московского университета, 1975. 283 с.
3. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной (педагогической) модели языка. Москва : URSS, 2017. 656 с.

4. Всеволодова М.В. Проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (русский язык) // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2 (10). С. 4–17.
5. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа : материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. В 2 книгах. Кн. 2. Реестр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика) / М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов ; под общей редакцией М.В. Всеволодовой. Москва : URSS, 2018. 800 с.
6. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. Москва : Русский язык, 1982. 262 с.
7. Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основам функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2003. № 3. С. 17–59.
8. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа : материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. В 2 книгах. Кн. 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов ; под общей редакцией М.В. Всеволодовой. Москва : URSS, 2014. 304 с.
9. Золотова Г.А. К проблемам изучения предлогов // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2. С. 18–24.
10. Клобукова Л.П. К недавней истории изучения грамматического класса русских предлогов и их функциональных эквивалентов // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2 (10). С. 2–3.
11. Конюшкевич М.И. Моделирование как способ инвентаризации скреп русского языка // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. № 1 (13). С. 8–22.
12. Панков Ф.И. Эпоха в функционально-коммуникативной грамматике: памяти профессора Майи Владимировны Всеволодовой // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2020. № 3 (3). С. 43–54.
13. Прияткина А.Ф. К теории производного предлога // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 3 (11). С. 2–11.
14. Сергеева Г.Н. Образования предложного типа и слова-гибриды // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 3 (11). С. 11–15.
15. Чижова Л.А. Словообразовательные и семантические особенности русских предлогов согласного и несогласного с ономазиологическом контексте // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 4 (12). С. 6–10.
16. Шелякин М.А. Об отношениях предложных и падежных значений в предложно-падежных формах русского языка // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 4 (12). С. 2–5.

The Scientific Heritage of M.V. Vsevolodova and the Actual Problems of Linguodidactics, Functional-Communicative and Comparative-Typological Study of the Russian Language

E.L. Barkhudarova, O.Y. Dementieva, O.V. Zubova,
L.P. Klobukova, F.I. Pankov, T.E. Chaplygina, L.A. Chizhova

The article discusses the problems of reports that were read by participants in the scientific and methodological seminar “Linguodidactic description of the Russian language in the mirror of foreign language systems”, dedicated to the 95th anniversary of the birth of Professor M.V. Vsevolodova and her scientific heritage. The versatility of M.V. Vsevolodova’s personality and breadth of scientific interests are emphasized, her huge contribution to the scientific substantiation of the functional and communicative linguodidactic model of language is noted, linguistic and methodological problems reflecting the directions of the scientist’s research are discussed.

Key words: M.V. Vsevolodova, functional and communicative grammar, national linguistic worldview, theory and practice of teaching Russian as a foreign language.